

A romantic scene set in a grand, ornate palace interior. A man in a light blue shirt and dark trousers is embracing a woman from behind. The woman has long, flowing blonde hair and is wearing a bright yellow, long-sleeved, floor-length gown. The background features intricate wall decorations, including murals and classical architectural elements like columns and door frames. The lighting is soft and warm, with a golden glow. There are sparkling light effects scattered throughout the scene, particularly around the woman's dress and in the background. The overall mood is romantic and elegant.

Елена Кармальская  
Мила Лимонова

# ЛИШНЯЯ ПРИНЦЕССА

право первой ночи

Мила Лимонова

**Лишняя принцесса.  
Право первой ночи**

«Автор»

2017

## **Лимонова М.**

Лишняя принцесса. Право первой ночи / М. Лимонова —  
«Автор», 2017

Тяжело быть лишней принцессой в Золотой империи. Быть послушной, вежливой, искусной в постельных утехах и выйти замуж за победителя Игр. Двенадцать достойных воинов будут обходить преграды, ловушки и биться с соперниками, а наградой победителю станет право первой ночи с принцессой Мирандой. Но у принцессы завелось свое мнение на этот счет — кому даровать столь почетное право... Содержит нецензурную брань.

© Лимонова М., 2017

© Автор, 2017

## Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лишняя принцесса	6
Глава 2. Уроки послушания	9
Глава 3. Княжич Зеленых земель	13
Глава 4. Колыбельная для принцессы	18
Глава 5. Возвращение в клетку	24
Глава 6. Развратница	28
Глава 7. Уроки истории	35
Глава 8. Закулисные разговоры	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

# Ми́ла Лимонова

## Лишняя принцесса. Право первой ночи

### Пролог

Благословен богами город Краммар, и далеко за пределы Золотой империи разносится слава о его величии.

Блещут вызолоченной черепицей крыши церквей и дворцов – так, что глазам смотреть больно, в пышной зелени садов утопают дома. Искрятся в небесной вышине высокие серебристые струи фонтанов на главной площади.

Шелковыми тканями завешены стены богатых домов, дорогими узорчатыми коврами застелены полы, вазами и статуэтками тончайшей работы украшены полки.

Красивы краммарские девы, словно звезды ночью. Властвуют они в своих домах над рабынями и служанками; умащивают смуглые холеные тела маслами и притираниями; наряжаются в одежду из невесомого шелка и блестящей парчи; носят украшения от самых искусных ювелиров. Не найти другого такого места, где так счастливы женщины, где их так любят и превозносят их красоту.

Так, по крайней мере, говорится в сказках...

## Глава 1. Лишняя принцесса

Миранда старалась сидеть неподвижно и держать голову боком. Уж как-нибудь бы выдержать до конца урока, лишь бы наставница, госпожа Арима, ничего не заметила.

Строгая наставница, чьего гнева боялась маленькая принцесса Миранда, поджав тонкие, подведенные коричневой помадой губы, выводила грифелем на доске рецепт расслабляющей ванны: три вида душистых трав, эфирное масло лаванды и еще что-то... Для того, чтобы увидеть последний компонент, надо было поднять голову, а Миранда делала вид, что старательно выводит в тетради буквы.

Каллиграфический почерк! Миранда приводила в отчаяние учителей. Вместо округлого, мягкого письма у девочки выходили решительные, угловатые строки.

– Это неженственно! – брезгливо поджимала свои коричневые губы госпожа Арима, заставляла протягивать руки и больно била по ладони прутом. Раньше Миранда глухо рыдала после наказаний, забившись в дальний уголок сада, но теперь, к десяти годам, свыклась с неизбежным и лишь с нетерпением ожидала пятнадцатилетия: в этом возрасте девочек перестают бить, потому что кожу надо сохранять нежной и мягкой для будущего супруга.

Да если бы дело было только в почерке! Миранда с детства была огорчением и позором своей семьи. Дочь третьей жены императора, она переняла от матери только светлые волосы, но не ее прекрасные, фиалкового цвета глаза. Старшей сестре Леноре повезло больше – она обещала быть такой же красавицей, как и мать.

Фигура Миранды была худенькой, движения – такими же угловатыми, как и буквы, которые она выводила, портя ими дорогую бумагу. Черты нахмуренного личика не обещали, что их обладательница когда-нибудь превратится в красавицу. Максимум – в обычную, ничем не примечательную девушку, а если она будет проявлять недостаточно усердия в искусстве наложения макияжа, то и почти дурнушку.

Но самым худшим и обидным Миранда считала свой титул. Лишняя принцесса! По традиции, император должен был завести четверых сыновей и четырех дочерей. Один из сыновей становился преемником императора, остальные – тремя его доверенными министрами: военным, иностранных дел и внутренних дел.

Четыре дочери испокон веков предназначались в супруги главам соседних государств – Серебряного царства, Медного халифата, Бирюзового королевства и Багрового графства.

А с лишними детьми поступали так: достигших совершеннолетия мальчиков высылали из страны – воевать или торговать, по их склонностям, и вернуться они не могли. Девочек учили всяким женским искусствам и выдавали замуж за победителей имперских Игр – жестокой схватки на выживание. Дети от наложниц не получали титулов и пополняли ряды дворцовой челяди.

– Миранда, ну-ка покажи, что ты там нацарапала, – требовательно протянула руку наставница. Девочка быстро встала, не поднимая глаз, и с видимостью почтения подала свою тетрадь, умоляя всех богов, чтобы госпожа Арима не присматривалась.

Но боги Золотой империи очень суровы, хотя, возможно, только к лишним детям императора.

– Почему ты так низко надвинула платок? Подними голову, немедленно! – потребовала Арима. Ее глаза тут же округлились, рот раскрылся и хватанул воздух. Выглядела женщина так, как будто ей нанесли личное оскорбление.

– Вы только посмотрите на нее, класс! – воскликнула она, сдирая платок с головы Миранды, заодно выдернув несколько тоненьких светлых волосков, попавших в узел.

Класс – четырнадцать девочек, в большинстве своем дочери знатных вельмож, – как одна, бесшумно встали с бархатных подушек и повернулись в сторону Миранды.

– Вы посмотрите! – Указующий перст воспитательницы ткнулся в налившийся багровым синяк на виске девочки. – Она дралась! Дралась!

По классу прокатился осуждающий вздох. Непростительное поведение!

– Зачем ты дралась? Отвечай! – Наставница больно дернула девочку за ухо.

Миранда стояла, закипая от острого чувства несправедливости. Это все Марик, сын ее старшего брата, наследника императора. Марика она ненавидела всей душой. Будучи на два года ее старше, рослый мальчишка всячески дразнил и изводил ее, исподтишка толкал и ставил подножки. А на уроках послушания, да проклянут их боги, он всячески старался подстроить так, чтобы выставить ее неумехой, за что Миранда получала взбучки от наставницы.

Это внезапное чувство и заставило ее не принять покорно очередной тычок от племянничка, а отскочить и что было силы лягнуть его в голень. От неожиданности парнишка пропустил удар. Ух, как ему было больно! Зато потом, конечно, он ее здорово побил. И если Арима увидит синяки и ссадины, то Миранде несдобровать.

– Раздевайся! – прогремел голос наставницы.

Миранда покорно вздохнула и сделала шаг в сторону, словно собираясь встать так, чтобы всем было виднее. Она стащила с себя верхнюю накидку, но вместо того, чтобы положить на пуфы, швырнула ее прямо в ненавистную физиономию воспитательницы и, как вспугнутый заяц, выбежала из классной комнаты.

– Куда?! – взвизгнула от такой дерзости наставница, но угнаться за шустрой Мирандой ей было не под силу.

Девочка едва не сбила с ног зазевавшуюся рабыню, вылетела из здания и метнулась в самую густую и заросшую часть сада. Там было ее тайное убежище.

Отдышавшись, она осознала, что сделала себе еще хуже: такой дерзости госпожа Арима уж точно не простит. Быть ей нещадно битой.

– Мама, мама, зачем ты родила меня, мама? – прошептала бедняжка, ощущая в горле соленый ком.

Но мама не смогла бы ответить Миранде. Даже если бы она была жива сейчас, то матери к воспитанию детей в Золотой империи не допускались, потому что главное дело женщины – служить своему мужу, а как она может служить ему, отвлекаясь на плач ребенка?

Впрочем, Миранде удалось познать немного материнской ласки. Ее мать была всего лишь третьей женой Императора, да еще и все восемь предписанных традицией детей были уже рождены. Эта странная женщина почему-то осмеливалась находить время на своих дочерей – Ленору и Миранду.

Сестринские узы в Золотой империи не признавались. Да и откуда им взяться у женщин, которые только и умеют, что конкурировать за мужчин и подстраивать друг другу пакости. Всем с пеленок было известно, что женской дружбы не бывает, поэтому ни Ленора, ни Миранда никогда не делали попыток общаться теснее, чем с остальными девчонками.

– Зря ты так с госпожой Аримой. Еще хуже ведь будет, – неожиданно над головой бунтарки прозвучал голос Леноры, обнаружившей сестру.

– Все равно она меня ненавидит, – проворчала Миранда, яростно шлифуя кончик носа рукавом своей блузки.

– Еще как! Ты сама в этом виновата, – кивнула старшая сестра. – Зачем ты с ней споришь постоянно?

– Я не спорю! – запальчиво возразила Миранда.

– Нет, споришь. Кто недавно на ее слова о том, что любой мужчина умнее женщины по своей природе, ляпнул: “Госпожа Арима, неужели вы считаете себя глупее, чем дурачок Иан?”

Миранда кисло улыбнулась. Дурачок Иан был сыном одной из наложниц, но в свои шесть лет он не умел не то что читать и писать, но даже говорить, а только мычал, разевая слюнявый рот. Его мать почему-то была привязана к этому бессмысленному существу, впрочем, сам Иан

свою мать хорошо узнавал и даже по-своему к ней ласкался. Наложница трепетала, что император снова воспылет к ней интересом и тогда мальчика у нее отберут, но пока обходилось...

Недавно Иан отличился тем, что надел на себя миску с остывшей кашей и размазывал ее по лицу, радостно гугукая. Пожалуй, и правда не стоило напоминать про него госпоже Ариме. Хотя уж она-то в долгу не осталась, изломав указку о голову и спину ученицы...

– Я не понимаю тебя, – продолжала увещевать Ленора, – зачем ты так себя ведешь? Ты и вправду дралась?

– Да, да, да! – сердитым шепотом отозвалась младшая. – Я ударила этого мерзавца Марика. Он достал меня, вечно задирает, дразнит и лупит, а я не могу и слова в ответ сказать? Это нечестно!

– Все правильно, – философски склонила голову Ленора. – Он мужчина, а значит, по своей природе агрессивен и необуздан. А ты – женщина, и отвечая ударом на его внимание, ты покушаешься на мужские права. Мы должны быть женственными и послушными, ведь такими нас и любят наши мужчины.

Любят... Слово “любовь” для маленькой принцессы оставалось совершенной тайной, как и эти загадочные мужские права, которые почему-то так легко было ущемить. Попраaniem священных мужских прав был бег – это мужской способ передвижения, а девочки должны ходить, грациозно покачивая бедрами; рассуждения – девочкам было положено молчать и слушать, раскрывая рот только когда им позволят; телесная хворь и пока еще далекая старость – вид любых несовершенств оскорблял мужское зрение и даже самую душу...

Наверное, Миранда была ужасной девочкой, раз не могла этого понять и смириться, как это делали Ленора, Серена, Мелора и другие девочки вокруг.

– Если ты будешь такой дерзкой, ты и до совершеннолетия не доживешь... Ах, какая же ты глупая! – сокрушалась Ленора.

– Если я такая ужасная, то чего ты тут делаешь? – всхлипнула Миранда.

– Урок кончился, и я пошла тебя искать. Я знаю, что ты вечно сюда ходишь и уж наверняка спрячешься тут.

– Ну, так иди и расскажи всем! – буркнула Миранда.

– Нужно мне рассказывать! – обиделась Ленора. – Сама вылезешь. Тебя все равно без ужина оставят, а завтра публично накажут.

– А я не вылезу. Я убегу! – заявила лишняя принцесса, хлюпая носом.

– И вовсе никуда ты не убежишь, – рассудительно заявила старшая. – Думаешь, это так просто? Вокруг дворца высокие стены, и часовые стоят, что и мышь не проскользнет. Посидишь тут до ночи, проголодаешься и пойдешь сдаваться, – подытожила девушка, вздохнув.

Резон в словах сестры был, и Миранда это прекрасно понимала. Конечно, существуют стены и охрана, чтобы такие, как она, нарушительницы не могли избежать своей участи. Принцессу всегда уверяли, что женская участь – счастливая, но к чему тогда такие предосторожности? Разве люди бегут от счастья? Наставницы уверяли, что да, еще как бегут. Женщины настолько глупы по своей природе, что не могут уразуметь, что для них хорошо и полезно, а что плохо...

## Глава 2. Уроки послушания

Воскресенья Миранда ненавидела больше остальных дней недели, потому что по воскресеньям проводились особые занятия – так называемые уроки послушания. Это была суровая подготовка к будущей замужней жизни. Жена должна быть приветливой и покладистой, уметь развлечь усталого от мужских забот и хлопот супруга, рассеять его печали и утолить голод.

Девочки должны были переодеться в кружевные короткие топы и нарядные струящиеся юбочки, особым образом уложить волосы, накрасить губы и нанести за уши и между еще детскими крошечными грудками немного душистой эссенции – каждая свой аромат.

После этого, грациозно ступая ножками, обутыми в шелковые домашние туфельки, девочки вереницей следовали в залу, где для обучения их послушанию уже сидели специально приглашенные мальчишки – сыновья вельмож и принцы.

Точнее, мальчишки не сидели, а уже успевали в ожидании вдоволь отлупить друг друга подушками, опрокинуть вазу с цветами и вообще перевернуть с ног на голову все в комнате. Но если любую из девочек наставницы ругали за малейший беспорядок, то здесь госпожа Арима только приторно улыбалась своими коричневыми губами.

Мальчикам было можно все...

После ласковых уговоров Аримы озорники изволили рассесться и развалиться на подушках, бросая презрительные взгляды на девчонок, словно те были бессловесными рабынями. Миранде казалось, что вместо посулов и увещаний наставница могла бы быстрее призвать к порядку, прибегнув к подзатыльникам, но о таком и мечтать-то было страшновато. За крамольные мысли боги Империи обрушивали на голову провинившейся страшные кары.

Затем каждый из парнишек выбирал себе пару, и девочка должна была в течение целого часа всячески угождать своему “господину”. Наливать ему чай из пузатого, с длинным тонким носиком чайника и выслушивать оскорбления, что напиток слишком или, наоборот, недостаточно горяч, что в нем чересчур мало мяты или много кардамона. Подавать ему сладости с поклоном. Массировать пятки. Услаждать слух пением или рассказами. Ребята постарше украдкой щипали своих “послушниц” за бок или шлепали по попе и в этот момент казались себе страшно взрослыми, зрелыми мужчинами.

Оценка зависела от этих капризных созданий, причем все их слова не оспаривались. Ах, если бы девочкам можно было хотя бы выбирать себе “господина”! Миранда предпочла бы флегматичного толстого Орика, потому что угодить тому было легко. Там, где иной мальчишка капризно указывал на пролитые капли чая или показавшийся ему недостаточно привлекательным наряд, Орик всегда ставил отметку “доволен”. Даже Арима пыталась осторожно намекнуть ему, что молодой господин слишком милостив к недостойным послушницам, но оспаривать вердикт мальчика не было дозволено даже ей.

Когда товарищи пытались подсмеиваться над его обыкновением не мучить девчонок, когда не грех и придраться, Орик обыкновенно жал плечами и говорил:

– А чего мне выдрючиваться? Жрать дают от пуза – вкусно. Поют, плечи растирают, обхаживают... Чего еще надо-то?

– Это же весело, придурок! – как маленькому, снисходительно пояснял Кейран.

А вот Кейрана Миранда ненавидела и каждый раз умоляла богов, чтобы он не выбрал ее. Тут боги были к ней милостивы – Кейрану нравились девочки постарше, которые уже могли похвастаться женственными округлостями. В последнее время от него доставалось Леноре.

– Фу, от нее слишком пахнет розой, – морщил он нос, и Ленора получала выговор от Аримы. От самого Кейрана, по мнению Миранды, несло лошадиным потом, но кого интересует мнение девочки...

– Мне не нравятся ее розовые бантики на туфлях, они слишком безвкусные, – придирился он, а на следующий раз уверял, что туфли без бантиков выглядят простовато.

– Она чересчур качает бедрами, это отвлекает, – высокомерно говорил Кейран, хотя только и делал, что пялился на круглый задик девушки. Или:

– У нее походка, как у мужика, надо быть грациозней!

Ленора терпеливо сносила наказания госпожи Аримы, которая даже не думала усомниться, нет ли в постоянных придириках Кейрана корыстных мотивов. Миранда же сначала недоумевала: зачем же этот придира постоянно выбирает ее сестру, если она его так раздражает. Только потом до лишней принцессы стало доходить, что Кейрану просто нравится мучить девушку.

Между тем наставница Арима ужесточила наказания над бедной Ленорой, поскольку именно девушка считалась виноватой, если не может выслужить себе оценку “доволен”.

Ленора, как подобает послушной золотианке, повторяла попытку за попыткой – наносила другие духи, меняла прически и наряды, становилась еще более мила и предупредительна, готовила восхитительно ароматный чай. Даже некоторые мальчишки стали с недоумением поглядывать на эту забаву Кейрана, но тот не уставал упиваться своей безграничной властью.

После урока послушания наставница Арима собрала всех девочек на урок женственности. Наказанную и голодную Миранду она поместила перед собой. К несчастьям лишней принцессы добавилось еще и то, что пустой желудок предательски заурчал, когда она подавала еду “господину”, и оценка “доволен” не была получена...

– Прежде, чем мы приступим к теме сегодняшнего урока, класс, – коричневые губы презрительно поджались, – мы с вами осудим одну из учениц, лишнюю принцессу Миранду. Встань и выйди в центр комнаты, Миранда! Только без глупостей на этот раз!

Нехотя подчинившись, девочка заняла требуемое положение и опустила взор, как подобает, даже не пытаясь искоса понаблюдать за тем, как хихикают и шушукаются соученицы. Так можно снова остаться без еды, а у принцессы уже дрожали ноги от голода.

– Вы знаете, девочки, что наш пол по своей природе не обладает логикой и разумом, именно поэтому мы должны благодарить мужчин за то, что мы живем в праздности, избавленные от мучительных забот. Они – наши защитники! Страшно представить, какие расправы чинили бы над нами разбойники и варвары, если бы не наши смелые, сильные мужчины...

Девочки склонили головы, словно признавая правоту наставницы. У Миранды внутри кипело множество вопросов, которые нельзя было произносить вслух, если хочешь получить еды. Похвальное слово благодетелям-мужчинам продолжалось еще несколько минут, и затем госпожа Арима приступила собственно к осуждению:

– Эта девочка покушается на священные мужские права. Она позволила себе заурчать животом, подавая пищу господину! Она не считает нужным ходить, как положено девочкам, а дерзко бегает по коридорам! Она осмелилась возразить господину Марику и испортить свою кожу синяками! Позор!

– Позор! Позор! Позор! – слаженно прокричали все. Трудно сказать, осуждали ли девушки на самом деле: в их голосах не звучало злорадного торжества, только привычка – подобные “осуждения” давно стали практически традицией, менялись лишь “героини дня”, которых не то чтобы всерьез презирали, но и не жалели. Это просто обычная подготовка к семейной жизни, можно подумать, что муж не будет учить супругу уму-разуму...

– ...принцессе Миранде предстоит через несколько дней отправиться в дипломатическую поездку в Зеленое княжество, а она позорит само гордое звание женщины! Или ты считаешь себя равной мужчине, Миранда?

Вкрадчивый, провоцирующий тон Аримы вырвал лишнюю принцессу из собственных дум. Поездка? Ее раньше никуда не брали, ведь в каждую союзную страну ездила та династи-

ческая принцесса, что была предназначена для политического брака. И что это за княжество такое?

Класс затих, и Миранда с ужасом поняла, что от нее ждут ответа. Собрав все свои силы и хитрость, девочка покорно промямлила:

– Госпожа Арима, я не смею даже помыслить о таком! Прошу вас, простите мою дерзость и непослушание!

– Хм... – Наставница с сомнением пожевала нижнюю губу. Она ожидала непокорного возражения, дерзкого молчания, но чтобы Миранда согласилась с ней... Или это какая-то хитрость, или до гадкой девчонки наконец дошло, как права ее наставница.

Однако, помолчав, Арима склонилась ко второму варианту. Она считала себя отличной воспитательницей, способной обломать любую гордячку и вразумить дурочку, поэтому Арима торжественно объявила, что готова выслушать извинения от нарушительницы и милостиво простить ее на сегодня.

После унижительной процедуры покаяния и целования руки наставницы, урок все же начался, и Миранда на нетвердых ногах села на свое место. Она не в силах была сосредоточиться на разглагольствованиях Аримы, и лишь мысль о предстоящей поездке грела ее и отвлекала от сосущего чувства голода.

Дипломатический визит – это было ново и неожиданно. После урока наставница Арима оставила Миранду и дала ей несколько указаний. В основном, они сводились к тому, чтобы не позорить Империю перед иностранной державой, а при общении с княжичами вести себя, как на уроках послушания.

Это несколько убавило радость Миранды: не все ли равно, кому подносить чай и растирать жесткие от тренировок мышцы; но все же принцесса надеялась, что в другой стране она увидит какие-нибудь диковины, которых не бывает в Золотой империи. К тому же это означало, что несколько дней для нее не будет уроков!

Наконец-то поужинав, хоть и не слишком сытно (девочек кормили на ужин только легким салатиком, политым йогуртом, заботясь о стройности их фигур), Миранда возвращалась в свои крошечные покои, которые она делила с тремя девочками постарше – Ленорой, Мелорой и Сереной. Эти трое были приятельницами, а Миранда, как недостаточно “взрослая” – она была тремя годами их младше, – не допускалась к их секретам.

Внезапно внимание лишней принцессы привлекли странные звуки – знакомый юношеский голос и какая-то возня. Девочка обомлела: мальчикам было запрещено приближаться к женским спальням.

– Я не могу, Кейран,пусти меня, – тихим умоляющим голосом говорила Ленора.

– Ну что значит – не можешь? Тебе что, сложно немного поработать своим соблазнительным ротиком? Я свое слово держу: ублажишь меня – получишь свою оценку на уроке послушания, – хмыкнул Кейран. Он тоже говорил тихо.

– Мне больно... – прошептала девушка. Парень тискал ее за грудь и пытался забраться под юбку.

Миранда решительно встала в коридоре, не говоря ни слова.

– Черт! Вредная малявка, – оскалился Кейран и, неохотно выпустив добычу, скрылся за углом.

Миранда распахнула дверь, заслышав шум и хихиканье. И хотя остальные две соседки были в своих кроватях, у принцессы не было никаких сомнений, что они оказались там мгновение назад, а до этого подслушивали у двери, толкаясь у замочной скважины.

– Чего вы его не прогнали? – насупилась Миранда.

Серена и Мелора захихикали. Как положено примерным золотианкам, они скрылись в комнате, как только Кейран появился в коридоре и загородил дорогу Леноре. Разве что они не

могли унять любопытство, ведь за дверью происходило что-то запретное и волнующее. Ленора выглядела усталой, ее волосы были растрепаны, а на щеках алели пятна.

– Ну! Что ты чувствовала, расскажи? – заблестела глазами одна.

– Он потрогал тебя... там? – хихикнула вторая и добавила с оттенком легкой зависти. –

Какая ты распушенная, Нора!

У Леноры неожиданно задрожала нижняя губа, и она с какой-то обреченностью опустилась на свою постель.

– Он же в тебя влюбился! – попыталась утешить ее Серена, но с кровати донеслись лишь тихие всхлипы.

Миранда села на свою кровать, сжавшись в нахохленный комочек. Все это ей не нравилось.

### Глава 3. Княжич Зеленых земель

Наконец настало время дипломатической поездки в Зеленое княжество – новое, недавно заявившее о себе государство, когда-то отделившееся от Серебряного царства. Лет сто-полтора назад это была захудалая провинция, а теперь оно, после долгих проволочек, стало наконец полноправным шестым участником совета государств, и Совет пяти переименовали в Совет шести.

Везли Миранду и сопровождавших мужчин рабынь словно скот, в закрытом, душном вагончике без окон. Однако по прибытии в столицу Зеленого княжества Миранда осторожно косилась по сторонам из-под своего капюшона, стараясь увидеть хоть что-нибудь.

Горожане с заметным интересом следили за удивительной процессией – несколько рабынь в плотных темных накидках с надвинутыми на лицо капюшонами шли пешком, окруженные всадниками-мужчинами в золотых, сверкающих нарядах.

Уставшая от тряски и духоты Миранда радовалась хотя бы этой прогулке на свежем воздухе. В Зеленом княжестве было куда менее жарко, чем на родине.

Когда лишняя принцесса умылась с дороги и переделась в парадные одежды, в комнату вошла морщинистая служанка, объявившая, что ей, как маленькой, предложено пройти в детскую и поиграть там с младшим княжичем. Миранда никогда раньше не видела настолько пожилых женщин – ей, наверное, было за шестьдесят. Да еще и это лицо, в тонких глубоких бороздах, дряблая кожа, не знавшая ухищрений, способных хоть как-то замаскировать свидетельство о неприличном, оскорбительном возрасте... И седина! Белые, тусклые, ломкие на вид волосы, не крашенные, не блестящие от легких душистых масел или травяных отваров...

– А что такое “поиграть” с княжичем? – робко спросила она.

Старуха удивленно всплеснула руками и покачала седой головой:

– Играть... это играть. Игрушками, – исчерпав на этом свое красноречие, она повела озадаченную Миранду в детскую комнату.

Шагая за своей немногословной провожатой, Миранда пыталась сообразить, как это – играть с мальчиком. На ее родине из игрушек у девочек были только куклы – притом наставницы строго следили, чтобы девочки играли в них правильно, а не как вздумается. На куклах оттачивали рукодельные навыки или играли в обслуживание господина: кукла-мальчик чинно восседала на пуфе, а кукла-девочка суетилась рядом, подавая ему еду или танцуя перед ним. Но вряд ли мальчик будет играть с ней в это?

Словом, встречу с княжичем Зеленого княжества Миранда ждала с ужасом и отвращением. Что это, как ни очередной урок послушания, думалось ей. Снова прислуживать какому-то противному мальчишке, который будет капризничать, щипаться или шлепать ее по попе. Ух, с каким удовольствием она перевернула бы на него поднос с чаем, но ведь тогда этот проклятый княжич на нее точно нажалуется, и Миранду больше никуда и никогда не возьмут.

С раздражением, тщательно спрятанным под маску пугливой покорности, Миранда, не поднимая глаз, прошла туда, где ей следовало ожидать княжича. Как только дверь за служанкой захлопнулась, девочка живо востепенулась и стала осматриваться.

Это была светленькая, небольшая комната, с ткаными обоями нежных цветов и пушистой шкурой-ковром на полу. На одной стене висело кольцо, обтянутое сеткой, на другой – порядком продырявленная деревянная доска с изображениями птиц. В углах стояли открытые сундуки, наполненные яркими игрушками.

Никаких пышных подушек и пуфов не было, и на столике возле кресел не ждала заботливой женской руки ваза фруктов или корзинка сладостей. Это несколько озадачило бедняжку: наверное, сейчас все принесут, и ей придется сервировать столик как следует, чувствуя, как насмешливый взгляд мальчишки прожигает ей спину.

Прошло несколько минут, но в комнату никто не входил. Принцесса осторожно сделала шаг и другой в сторону ближайшего сундучка с игрушками и схватила яркий мячик, но тут же выпустила его из рук. Рядом лежала искусно сделанная повозка с вращающимися колесами. Миранда прислушалась: в коридоре было тихо.

Искушение оказалось слишком велико, и девочка быстро откинула краешек шкуры, обнажив гладкий пол. Затем сильным толчком пустила повозку в путешествие, причем из ее окошек во время движения высунулись пара человечков, а колеса засверкали розовыми и золотыми огоньками-блестками.

Миранда бросилась катать такую удивительную штуку и очередным движением послала игрушку аж к самой двери, которая неожиданно отворилась, а нарушительница сразу похолодела.

Она даже не рискнула встать с колен и так и застыла на четвереньках, ожидая окрика или удара. Это предвкушение наказания было так сильно, что девочка даже не подумала искупить свою вину: вскочить и поприветствовать “господина” поклоном, усадить его и заняться угощением и развлечением. Она лишь молча ждала, окаменев от осознания, что навеки опозорилась, осрамила Империю перед княжеством, и теперь ее засекут до смерти по возвращению.

Но услышала она лишь звонкий, хотя и удивленный, мальчишеский голос:

– Ты чего так стоишь? Вставай.

Миранда, молча и не поднимая глаз, осторожно поднялась с колен.

– Ты испугалась? – участливо продолжил тот же голос.

Ответом должно было быть что-то вроде: “Мне подобает трепетать перед вашим величием, мой могущественный господин”, как учила наставница Арима. Однако Миранда все еще продолжала хранить молчание, не понимая, чего хочет от нее этот чужак.

– Хочешь, поиграем в гонки? – предложил княжич, и тут уже Миранда недоверчиво воззрилась на собеседника.

Перед принцессой стоял довольно рослый, худенький мальчик с темными вихрами и большими зелеными глазами, в которых светилось какое-то неутолимое любопытство. На вид он казался едва ли одним-двумя годами старше ее самой. Одет он был совсем не так ярко и роскошно, как были наряжены те мальчишки, которых Миранда видела у себя на родине. Княжич же носил серую с серебром курточку, облегающие темные штаны и кожаные шнурованные сапожки. На нем не было никаких украшений, не считая зеленой гербовой нашивки на рукаве.

Ну конечно, какая же она недогадливая! Из-за простоты костюма и открытого, улыбающегося, а вовсе не надменного лица, этот шустрый паренек никак не мог быть княжичем, и Миранда приободрилась. Конечно, любой мужчина выше женщины по праву рождения, но она все-таки лишняя принцесса, а принцессы выше простолюдинов и даже вельмож.

– А скоро придет княжич? – выдохнула она.

– Ты умеешь говорить! – засмеялся мальчик. – Я уж думал, ты со страху голос потеряла.

– Ничего я не испугалась, – возразила Миранда. – Просто в моей стране такие правила этикета.

– Стоять на карачках вместо того, чтобы поздороваться? – всю развеселился ее собеседник.

– Я ожидала, что войдет княжич, а не ты, – ответила принцесса.

Мальчишка немного помедлил, прежде чем ответить, и, озарив лицо широкой улыбкой, поведал:

– А я тебя обрадую, он и не придет. Давай пока познакомимся, меня Рэй зовут, а тебя?

– Миранда, – представилась девочка и неловко уставилась на протянутую ей руку. Что нужно делать? Поцеловать ее? Припасть к ней лбом?

– У нас принято делать так, – он легонько коснулся ее пальцев, – давай руку.

Ощущая его осторожное теплое пожатие, Миранда снова растерялась. Это было совершенно не похоже на привычное поведение мальчишек. Кто же тогда Рэй? Положим, он не княжич, но слуга или раб не будут так себя вести! Наверное, кто-то из сыновей придворных?

– Кто ты? – спросила она, выдернув свою руку, чтобы не показать, насколько ей приятен этот контакт.

– Я тут... живу, – уклончиво ответил мальчишка. – Ну что, давай, я покажу тебе игрушки!

Рэй принялся развлекать свою гостью, радуясь, как блестят ее глаза. Девочка, хоть и была принцессой, похоже, толком не видела игрушек, особенно заводных. Она азартно рассматривала и трогала все, пытаясь постигнуть, какие устройства внутри заставляют игрушки звучать, крутиться или выделывать иные чудеса. Потом они немного поиграли в охоту на птиц, швыряя тоненькие иглы в доску с изображением пернатых, причем поначалу Миранда привычно мазала – ведь при игре с мужчиной нужно обязательно поддаваться, чтобы не ущемлять самолюбие господина. На это Рэй ответил такими глупыми промахами, что девочку разобрал азарт: она словно раскрепостилась и забыла, как положено вести себя с мальчиком. Игра закипела по-настоящему, и Миранда уступила пареньку всего на три очка.

– Вот это да, Мира! – обрадовался Рэй. – Да у тебя здорово получается. Хочешь поесть или погулять пойдём?

Миранда сникла, но тут же встрепенулась. Это же Рэй, может, не нужно будет изображать из себя рабыню?

– А ты... умеешь сам есть? – на всякий случай уточнила она.

Рэй снова расхохотался. Миранду всякий раз приводило в замешательство его веселье, ведь она говорит совершенно не смешные вещи. Не будь смех таким добродушным и заразительным, принцесса обиделась бы.

– Конечно, умею, – уверенно сказал он. – Но раз ты не восторге, то пойдём лучше гулять, только вот одежда твоя...

Мальчишка скорчил рожицу.

– Что с моей одеждой? – Девочка бросила быстрый взгляд на свой кружевной топ и длинную розовую юбку, накидку она уже сбросила – чтоб не мешала бросать дротики.

– Она такая неудобная! Пойдем, я тебе что-нибудь дам. – Он взял ее за руку и потащил к дверце шкафа, на поверку оказавшейся входом в гардеробную.

– Зачем мне?... – удивилась Миранда, пока он рылся в вещах, бормоча что-то вроде “ага... где ж они... ага, нет... ага”.

– Вот! – Он сунул ей в руки темно-синюю ткань. – Давай переодевайся, и мы пойдём в парк, там столько всего интересного, а лазить там в твоей юбке и туфлях... порвешь еще или запачкаешь, от твоей воспиталки достанется.

– Но если меня увидят в мужской одежде... – Девочка нерешительно вертела в руках узкие штаны.

– Это не мужская, это вещи моей сестры, – вытаращил глаза Рэй. – Обычная одежда для прогулок. У вас там что, нельзя девочкам надевать штаны, как в пещерные времена?

– Можно, но не такие... – Миранда не решалась раздеться, хотя и знала, что старших девочек учили искусству разоблачаться перед мужчиной.

– Ну, давай же. – Рэй кивнул головой, и принцесса начала стаскивать с себя топик. – Э-эй, да вон же ширма, ты что! – покраснел он и отвернулся.

Озадаченная Миранда шмыгнула за ширму, где оказалось зеркало в полный рост. Поведение Рэя не лезло ни в какие рамки. Привычные ей мальчишки только рады были подглядеть за переодеванием девочек, причем жаловаться на них было бесполезно. “Это мужская природа, – говорила наставница Арима с какой-то непонятной гордостью. – А вам грех жаловаться! Вы должны испытывать удовольствие, поскольку ваше природное предназначение – быть услугой для мужского глаза!”

Миранда с удивлением рассматривала на себя в зеркало: там отражался забавный мальчик... то есть, конечно, девочка: обтягивающие штаны, приталенная курточка и рубашка были скроены явно не на парня. Красно-коричневые высокие шнурованные сапожки ладно и изящно облегли ногу, и принцесса готова была биться об заклад, что сейчас она выглядит не менее “женственно”, чем в шелковой юбке. Просто... по-другому.

– Отлично, – по-свойски хлопнул ее по плечу Рэй. – Только вот еще, как же ты берешь надела? Свалится же! Сейчас, стой...

Его руки аккуратно коснулись волос девочки, когда парнишка поправлял некрепко сидящий берет, и неожиданно Миранде стало неловко. Движение было приятным и неуловимо ласковым. Так ее еще никто не касался. Рабыни, расчесывая и убирая пряди в замысловатые прически, могли неосторожно дернуть, наставница Арима даже в редкие случаи похвалы так сильно проводила ладонью по голове, словно и не поглаживала вовсе, а хотела выдрать волосы.

Закончив превращение Миранды в нормальную девочку Зеленых земель, Рэй просиял и за руку потащил ее в удивительное приключение.

Во-первых, они спустились в сад не через лестницу, а через балкон, на крышу, а потом по пожарной лестнице вниз. Не то чтобы это был самый короткий и простой путь, но какому же ребенку не хочется забраться на крышу, а может быть, Рэю хотелось впечатлить гостью. У Миранды дух захватывало и от необычности маршрута, и от того, как одобрительно глядел на нее княжич, поскольку она нисколько не боялась. Высота казалась лишней принцессе куда менее страшной, чем порядки в родной Империи.

Во-вторых, тот уголок парка оказался совершенно диким, без посыпанных белым песком или гравием рукотворных дорожек, ажурных скамеек и вазонов с цветами.

– А теперь посмотри вверх, – прошептал Рэй, подводя ее к огромному старому дереву.

Миранда ахнула: наверху, в листве, притаился самый настоящий домик!

– Это твой?... – Она широко открыла рот и таранилась на Рэя, как на божество. Да, она бы рассердилась, если бы ей кто-то сказал, что она смотрит настолько восхищенно на мальчика. Но Рэй в ее глазах не был мальчиком. Он был... другом.

– Хочешь, и твой тоже, – ответил мальчуган, лишь смутно догадываясь, что творится в душе золотианки.

Этот домик был выстроен еще для его отца и с тех пор не претерпел больших изменений – разве что была заменена пару раз подгнившая ступенька да подкрашены оконные рамы. Там когда-то хозяйничали старшие братья и сестры Рэя, он же родился сильно позже остальных, и теперь, когда все уже стали взрослыми, домик перешел в безраздельное владение младшего княжича.

Миранда замерла, чувствуя, как ее горло совсем пересохло от волнения. Она даже не смогла вымолвить “Хочу” и только несколько раз кивнула с усердием игрушечного болванчика.

– Тогда пойдем, посмотришь!

Рэй пропустил Миранду вперед, и она забралась на ступеньки, ведущие к двери удивительного домика. Девочка нерешительно распахнула ее и застыла на пороге.

– Ну, заходи же, – подбодрил девочку Рэй. – Нравится?

Взору принцессы открылась светлая маленькая комната. В углу валялся широкий тюфяк, в другом – небольшая переносная жаровня, сделанная так, чтобы из нее не вылетали искры. На столике лежало несколько книг, бумага, кисти и карандаши, на полке громоздились какие-то кости, монетки, камни...

– Это словно пещера с сокровищами, – отозвалась восхищенная Миранда.

– Ага, хочешь, я тебе все покажу? Но сначала... – Рэй взял со столика горстку конфет и протянул ей. – Угощайся!

Миранда с удивлением воззрилась на ворох ярких фантиков, не спеша брать лакомство. Это что, все ей? Столько?

– Но это же мужская еда. – Девочка сглотнула слюну.

– У вас что, мужчины самое вкусное себе прячут? – с какой-то ноткой презрения удивился Рэй.

– Нет, просто... – Миранда так и впиалась взглядом в призывно манящую обертку, обещающую вкус шоколада с вафлями...

Рэй почти насильно впихнул ей конфеты в руки, взял еще себе и решительно развернул фантик большой шоколадной конфеты.

– Кусай, – скомандовал он, видя, что девочка медлит.

Команда была привычнее, чем просьба, и маленькая принцесса послушно откусила половинку, ощутив непривычно сладкий вкус шоколада и пралине с орехами. Рэй сунул оставшийся кусочек себе в рот.

Когда большая часть конфет была съедена, Миранда застенчиво пояснила:

– У нас девочкам разрешено есть сладости только раз в неделю, потому что иначе испортишь фигуру.

– Фигуру?

– Растолстеешь.

Рэй недоверчиво посмотрел на худенькие руки и ноги своей новой подружки.

– По-моему, тебе это не грозит.

– Ты ничего не понимаешь, тех, кто растолстел, никто не возьмет замуж... – Принцесса осеклась, поскольку ей в голову пришла неожиданная мысль.

А хочет ли она вообще замуж?

Что она вообще об этом знает?

Рэй воспринял ее молчание как страх и весело ответил:

– Ну если ты растолстеешь от моих конфет, тогда я на тебе и женюсь, не бойся!

Миранда не ответила ему, и парнишка, чтобы сменить разговор, принялся звать ее вниз.

Он показал ей свои секреты – два птичьих гнезда с крошечными, в крапинку, яичками, маленькую полянку с костровищем и научил пускать в ручье кораблики на скорость. Эту идиллию неожиданно прервал высокий голос слуги:

– Ваше высоко-очество, вас там не докличутся... Извольте на ужин явиться!

Рэй увидел, как Миранда побледнела и замерла, точно игрушка, у которой кончился завод. Ее расширенные глаза смотрели на него с непонятной смесью восхищения и осуждения.

## Глава 4. Колыбельная для принцессы

– Ты меня обманул! – прошептала Миранда, когда они плелись за слугой во дворец.

– Ну, прости, – повинился Рэй. – Ты была такая напуганная, вся сжавшаяся, точно нашкодившая собака, и я решил, что ты будешь меня бояться, если я скажу, что я и есть княжич. Ведь ты правда бы не стала играть и веселиться со мной?

Миранда молчала. Она корила себя за легковёрность.

– Ты ведь не сердишься на меня, Мира?

Миранда снова ничего не ответила. На мальчиков нельзя сердиться. Девочкам вообще нельзя сердиться. Миранда довольно часто ощущала себя не такой, как все – из-за своей вспыльчивости, и это было мучительно. Но при этом принцесса поймала себя на мысли, что Рэй, в общем-то, был прав, когда скрыл от нее свой статус: она действительно не смогла бы ему довериться, как сейчас.

Ужин был еще одним потрясением для Миранды: дети ели отдельно от взрослых, но при этом мальчики не требовали от девочек подносить им еду и развлекать их. Разве что пара лакеев меняли грязные тарелки на чистые и ставили на стол новое блюдо. Еда не делилась по полу, и Миранда с удивлением обнаружила, что девочки тоже могут просить добавки, и при этом они вовсе не выглядели толстыми. Наевшаяся, уставшая от впечатлений Миранда была препровождена к себе в комнату, а Рэй – в свою спальню.

“Завтра я ее по кровати прыгать научу... – мечтал Рэй, ворочаясь и обхватывая пышную подушку. – Об заклад готов побиться, что она никогда-никогда не прыгала по кровати!”

Княгиня, днем занятая государственными делами, всегда обходила спальни младших детей перед сном. Рэй с нетерпением ждал этого часа. Это было время, когда он делился впечатлениями дня и поверял матери свои секреты, а порой спрашивал совета, как поступить.

– Мама, – Рэй прижался к ее ласковой руке, – мам, эта девочка...

– Да, милый? – Княгиня с ласковой улыбкой смотрела на сына.

– Она рассказывала такие ужасные вещи!

И Рэй захлебнулся принялся пересказывать услышанное им от Миранды, с надеждой поднимая зеленые, как у отца, глаза на мать.

– Ты молодец, мой мальчик, – ответила она, выслушав его сбивчивый рассказ. – Обращайся с ней поласковой, только учти, что ей поначалу это будет непривычно, страшно, даже обидно...

– Обидно? – переспросил ничего не понимающий сын.

– Именно так. Представь себе, она выросла в другом мире, где на черное принято говорить “белое”. Там, где следует сказать “насилие” или “унижение”, они говорят “забота”, “мужское внимание”, даже “любовь”. Когда ребенку с малых лет запрещают быть тем, кто он есть, из них вырастают... калеки. Помнишь, ты слышал рассказ о том, как раньше существовали цирки уродов, и их хозяева специально скупали детей у нищенков, ломали им руки, ноги, повреждали спины? Так и строй Золотой империи калечит и ломает, только не тела, а души.

– Миранда не такая... – взволнованно произнес Рэй.

– Ей придется нелегко, – вздохнула княгиня. – Сынок, только, пожалуйста, не говори девочке о том, что имперские порядки губительны для нее. Миранда родилась с обостренным чувством справедливости, ей будет в тысячу раз труднее там жить, если она будет об этом думать.

– Она не будет там жить, – решительно произнес Рэй. – Когда я вырасту, я на ней женюсь и увезу ее оттуда.

Княгиня тихонько улыбнулась и прижала к себе сына.

– Да, я знаю, что ты у меня по характеру – настоящий защитник всех обиженных. Но, Рэй, сынок, нельзя жениться только потому, что тебе кого-то жалко. Для совместной жизни нужно чувство и родство характеров... Подумай об этом, пожалуйста.

– Ладно, мам, – кивнул Рэй. – А можно... я хотел тебя вот о чем попросить... Чтоб ты сходила к Миранде, если она не спит, и спела ей колыбельную, как ты пела всем нам в детстве?

– Хорошо, Рэй, я схожу к ней, – согласилась княгиня. Она ласково поцеловала сына в вихрастую макушку и вышла из его спальни. Ее радовало и одновременно печалило, что у сына такое чуткое сердце.

Когда женщина зашла к Миранде, то обнаружила принцессу у окна. Девочка сидела с видом застигнутой на месте преступления, сжимая в руках книгу, и, кажется, готовилась быть казненной сию секунду.

“Боги, какая же она запуганная”, – подумала княгиня с жалостью, а вслух сказала:

– Почему ты не зажигаешь света, дитя мое?

Миранда не ответила, и княгиня повернула выключатель. Спальня озарилась мягким светом ламп.

– Еще здесь лампа, чтобы было удобно читать. – Княгиня зажгла светильник с зеленым абажуром на столике, за которым сжалась испуганная Миранда. – Что ты читаешь, дитя мое?

Миранда несмело положила книгу на стол. Ласковый голос княгини, совсем непохожий на требовательный тон наставниц, сбивал ее с толку, но заговорить она еще не решалась. Мать Рэя взглянула на обложку и едва сдержала улыбку: это был учебник “Окружающий мир” для младших классов. Что же делают с девочками в Империи, если они готовы тайком ночью читать учебник?

– Это Рэй тебе дал, да? – продолжила княгиня и не ошиблась: имя ее сына приободрило маленькую гостью, и та наконец осмелилась поднять глаза. – Я его мама.

Внешность правительницы Зеленых земель поразила Миранду: и пусть в Золотой империи ее сочли бы старой и непривлекательной, но девочке она показалась безумно красивой. Это была женщина лет сорока – сорока пяти, среднего роста, с немного полноватой фигурой от рождения шестерых детей и с царственной осанкой. Ее умные серые глаза смотрели на мир внимательно и ласково, в углах глаз виднелись лучики морщинок, выдающие улыбчивый нрав их обладательницы, а ее русые волосы были собраны в затейливую косу, лежащую на голове, словно диадема.

– Нет, я нашла ее здесь, – прошептала Миранда.

Княгиня, шурша домашним платьем, присела за столик рядом. Стул, конечно, был ей низковат.

– О чем ты читала в этой книжке? – спросила она, пододвинув учебник к девочке. – Покажи, пожалуйста.

Миранда перелистала страницы. Взгляду княгини предстала картинка хлебного завода, где в огромном цеху на конвейер подавались пышные, свежие булки.

– И как, тебе понравилось? – Княгиня снова говорила серьезно, хотя ей так и хотелось улыбнуться. Ее позабавило, что из стопки книг девочка выбрала именно эту, чудом затесавшуюся между сборниками сказок и стихов.

– Я не все слова понимаю, – созналась Миранда, еще более осмелев. Ей уже стало ясно, что мама Рэя не будет ее наказывать за недостаточно женственное поведение. И своего сына тоже не будет.

– Какое слово ты не поняла? – спросила княгиня, уже позволяя себе тихонько улыбнуться.

– Вот. – Миранда показала пальцем на жирный черный заголовок. Княгиня прищурилась и прочла: “Промышленное производство”.

Она все же не сдержала своего порыва рассмеяться, но Миранду не испугал ее смех – уж очень он был похож на то, как это делал Рэй. Если бы княгиня не представилась маленькой принцессе, та догадалась бы сейчас, кто это, по манере смеяться.

– Ты уж прости, что я смеюсь, – сказала женщина, – но представь себе, моя дочка Лара, сестра Рэя, когда была в твоём возрасте, вечно пыталась избежать учить эти главы, объясняя, что это слишком скучно для девочек! Посмотрела бы она на тебя сейчас!

Княгиня объяснила Миранде, что такое промышленность и еще несколько непонятных слов, а затем рассказала немного о том, как устроено производство в княжестве. Оказывается, еще дедушка Рэя распорядился построить первые заводы и за счет государственной казны обучить работников из числа малообеспеченных горожан. Теперь у них есть заводы и фабрики, на которых пекут хлеб, делают из молока сыры и творог, шьют одежду и даже выпускают игрушки.

Принцесса никогда еще не слушала так зачарованно. Ни одна из волшебных сказок, которые рассказывали наставницы, когда маленькие девочки только учатся читать и писать, не могла сравниться в ее воображении с этой завораживающей речью княгини. Подумать только, это существует на самом деле, где-то совсем рядом! Это сделали люди!

Княгиня ласково, не прерывая рассказа, погасила лампу, оставив лишь слабенький ночник, уложила бедную девочку в кровать и подоткнула ей одеяло.

– Засыпай, малышка, – сказала она нежно, словно обращалась к собственной дочери, – а завтра Рэй покажет тебе наш город...

– Завтра... – с надеждой прошептала маленькая золотианка, чувствуя, как ее неудержимо клонит ко сну.

Княгиня еще немного посидела с Мирандой, монотонно напевая песенку и глядя по голове. Почувствовав, как ровно и размеренно задышала девочка, мать Рэя тихонько встала и направилась в свою супружескую спальню.

– Свет мой, – обратилась она к своему мужу, который не спал, а только раздевался с усталым лицом человека, который отработал двойную смену.

– Да, душа моя? – отозвался князь, и лицо его при виде супруги чуточку разгладилось. Они пронесли свою любовь через годы и до сих пор именовали друг друга ласковыми прозвищами.

– Наш младший сын объявил, что хочет жениться, – улыбнулась женщина.

– На ком? – хмыкнул князь, ныряя к ней под одеяло.

– На маленькой гостье из Золотой империи.

– А, так вот почему он спросил меня перед ужином: “Пап, а как сказать человеку, что его страна – куча дерьма, и не спровоцировать дипломатический скандал?” – не моргнув глазом, произнес князь.

– Эгберт! – возмутилась княгиня.

– Что, душа моя? – Князь изо всех старался сохранить невозмутимость, но лукавые смешинки так и бегали у него в глазах и даже в пышных, хоть и тронутых сединой усах.

– И что ты ему ответил? – Глаза княгини строго сузились.

– Что надо при этом крепко держать человека за яя... Ай! – Князь рассмеялся, потому что жена больно ущипнула его. – Душа моя, я помню, что ты не любишь, когда я грубо выражаюсь, но посол Золотой империи достал меня до самых печенок. Кстати, к чести Рэя, он выразился помягче, но суть была та же. Это я своих впечатлений добавил.

– А что случилось? – встревожилась княгиня.

Она была в курсе всех дел и забот своего мужа, несмотря на то, что государственные обязанности у них были разные. За установление связей с Золотой империей отвечал лично князь Эгберт – потому что золотианские послы ни за что бы не согласились иметь дело с женщинами. До недавнего времени империя и княжество вежливо игнорировали друг друга, не мешая торговцам с обеих сторон ввозить и вывозить местные товары, но сейчас, когда объемы

экспорта со стороны княжества достигли такого размаха, потребовался язык дипломатических соглашений.

Положение отягощалось тем, что пост министра экономического развития в Зеленом княжестве занимала тетушка князя Клара – подвижная, хваткая старушка, которой до сих пор не находилось достойной замены. Со вступлением ее в должность страна пережила крутые экономические реформы, пополнившие не только княжескую казну, но и поднявшие уровень жизни обывателей Зеленых земель. Женщина-министр, да еще и пожилая – это было чересчур для культурных представлений золотианских мужчин.

Князь коротко рассказал жене о переговорах и подытожил:

– В общем, по-моему, посол остался не очень доволен. Но выбирать ему не приходится – мы слишком много производим товаров, в которых нуждаются они. Если б ты знала, душа моя, как тяжело иметь с ними дело! Золотианцы заносчивы и надменны, они мнят свои порядки самыми лучшими и совершенно не умеют уважать чужие обычаи. Даже в слуги им я распорядился отрядить одних мужчин, потому что женщин они считают чем-то вроде бессловесных кукол, с которыми можно делать, что угодно. Придется зимой нанести им ответный визит, чувствую, что наши переговоры так и не завершатся в этот раз... Да, кстати, с чего это наш сын решил жениться на маленькой золотианочке? Не поверю, если ты скажешь мне, что он просто решил обзавестись послушной бессловесной женой.

– Я сейчас укладывала девочку спать, и по моему мнению, она не послушная, а просто забитая. И ты же знаешь Рэя, свет мой, – ответила княгиня, – он у нас защитник всех обиженных и угнетенных. Как ты в молодости.

– В молодости? – хитро прищурился Эгберт. – Ты хочешь сказать, душа моя, что я сейчас глубокий старик?

– Ну уж точно не восемнадцатилетний юноша, – поддразнила его супруга.

– Так, и в каком же это месте я не похож на восемнадцатилетнего? Ну-ка, присмотришься. – Князь сгреб жену в охапку и прижал к себе. – Может, здесь? Или вот тут? – Он направил ее руку на место, требующее особой проверки.

Женщина, тихонько захихикав, приступила к самой тщательной проверке, периодически делая задумчивое лицо, к пущему удовольствию обоих.

После этой озорной прелюдии, они занялись любовью, словно были молодоженами, а не добронравными супругами, много лет прожившими вместе. Княгиня радовалась, что возраст и постоянные хлопоты не остудили пылкости мужа, а князь находил ее тело прекрасным, а запах кожи, смешанный с ароматом любимых духов, – упоительным. Лаская жену, Эгберт словно забывал обо всех тревогах дня, о государственных проблемах, реформах, протоколах заседаний, непонятливых придворных, нерасторопных министрах...

Когда все закончилось, и княгиня, лежа на плече супруга, тихонько выдохнула: “Счастье...”, он ответил четко и уверенно:

– Счастье – это то, что я когда-то уговорил тебя стать моей женой...

– Так все-таки сколько пробудут послы? – зевнула княгиня. Ее клонило в сон, но любопытство не желало ждать до утра.

– Да я б их хоть завтра выдворил. – Эгберт устроился поудобнее, перекатившись на бок и не выпуская жену из рук. – Но раз говоришь, что у нашего Рэя тут первая любовь случилась... пусть дня три еще побудут, черт с ними, может, хоть какого-то толку добьюсь...

На следующий день Рэй повел свою заграничную гостью погулять по центру столицы. И хотя это была самая чистая, скучная и благополучная часть города, а за ними следили двое охранников, лишней принцессе эта прогулка показалась самым головокружительным приключением во всей ее жизни.

На сей раз ее не окружала толпа рабынь и конников, и ничто не мешало разглядывать каменные и кирпичные городские постройки в два, а кое-где и в три этажа, с балкончиками,

на которых пышно росли цветы в горшках и вазах. На одном из балконов стояла женщина – полная, черноглазая, в цветастой, почти мужской рубашке и юбке, – и щедро бросала крошки на тротуар, где ими лакомились воробьи и голуби.

Уличные торговцы в небольших полотняных палатках зазывали прохожих, соблазняя мороженым и холодными напитками.

Девочка вертела головой, явно удивляясь таким простым вещам, но не задала ни единого вопроса, поэтому Рэй спросил сам:

– А у вас в Краммаре – разве нет такого?

Девочка потупилась:

– Я не знаю, как у нас. Девочкам нельзя гулять за пределами дворцового сада.

– Что? А не принцессам, обычным горожанкам? – с надеждой уточнил Рэй.

– Им тоже нельзя. Либо в саду отцовского дома, либо мужнего.

Рэй ошарашенно замолчал, и тут Миранда совсем неприлично вытаращилась: по улице катил зеленый вагончик, влекомый парой крупных, сильных лошадей. Он ехал по блестящим рельсам, а на скамеечках сидело несколько дам с детьми. Малыши радостно таранились в окна, показывали пальцами, махали прохожим ручонками и улыбались.

– Это конный трамвай, конка, – подсказал Рэй, потому что Миранда снова не решилась спросить. – Потом можем покататься.

При общении с девочкой Рэй понял, насколько она не похожа на его соотечественниц. Его удивляло, что Мира не умела выражать своих желаний, хотя их, естественно, имела. Самой лучшей тактикой стало маскировать выбор под команду: Рэй спрашивал ее сам, хочет ли она того или другого, пойти дальше или присесть. У Миранды была очень живая мимика, и Рэю не составляло труда узнать, чего же она на самом деле хочет, и поступать именно так, будто это его собственное желание.

Возможно, лишняя принцесса вела бы себя свободнее, если бы с ними не было охраны, но ее наличие было обязательным условием прогулок Рэя по городу. На свете хватает озлобленных людей и безумцев, поэтому Рэй соглашался с желанием его родителей быть спокойным за него. В конце концов, они не мешали ему без присмотра носиться по дворцовому лесопарку. Поэтому слова Миры о том, что им нельзя ни погулять, ни посетить ярмарку или торговые лавки, возмутили юного княжича, словно это было оскорблением, нанесенным ему лично. Некоторое время он помалкивал, разве что комментируя увиденное для Миры, но вскоре его прорвало потоком копившегося негодования:

– У вас что, принято девочек дурами делать? Почему им даже прогуляться нельзя?

– Мы не дуры. Мы учимся, – ответила Миранда.

– Учитесь, как же... Подожди. – Рэй потащил ее в ближайшую книжную лавочку, где велел подать за столик мороженое и иллюстрированные приложения к учебникам по окружающему миру для начальной ступени.

Миранда так и впилась в красочные альбомы с удивительными картинками и интересными, написанными специально для детей, текстами, что забыла и про Рэя, и про угощение. Мороженое превратилось в растаявшие сливки с плавающими в них кусочками вишни, а Рэй сидел, улыбаясь и глядя на вспыхнувшее интересом лицо девочки. Его изумил рассказ матери, заставшей девочку за книгой. Юный княжич уже понял, что знаний об окружающем мире в Золотой империи дают самую малость, жалкие крохи, не способные насытить здоровое детское любопытство...

– Ну, пойдем, я подарю тебе эти книги, хочешь? – сказал княжич, когда ему надоело сидеть.

– Нельзя, – расстроилась Миранда, – отберут.

– Тогда я просто пришлю свои, считаешь вечером после ужина, а сейчас – пойдем.

Миранда с мимолетным сожалением захлопнула книгу и убедилась, что ее мороженое безнадежно растаяло. Рэй заказал еще одно на вынос, и они продолжили осматривать город.

## Глава 5. Возвращение в клетку

Миранда с восторженным визгом запустила в Рэя подушкой и тут же схватила вторую. Ответный “снаряд” не заставил себя долго ждать. Девочка опрокинулась на спину не столько от мягкого плотного удара, сколько от неудержимого желания вот так валяться, дрыгая ногами и заливаясь счастливым детским смехом.

– Вот тебе еще! – Мальчик подскочил к ней и тут же получил подушкой прямо в лицо. Завязалась нешуточная борьба с щекоткой и катанием по кровати.

– Уймись, безобразники! – раздался окрик вошедшей служанки. – Напылили-то! Фу! Чем дышать только! А ну вон из дамской спальни, ваше шалопайское высочество, я вашей матушке на вас нажалуюсь...

– Спокойной ночи, Мира. – Рэй спрыгнул с кровати и умчался в коридор. Служанка продолжала ворчать, но даже лишней принцессе было ясно, что она не всерьез. Женщина открыла окно, чтобы проветрить комнату, и начала поправлять разворошенную постель, разглаживая сбившиеся простыни и заново взбивая подушки.

– Вот так-то лучше, барышня, – сказала она довольным голосом, закончив свою работу. – Давайте-ка переодевайтесь в ночную рубашку да ложитесь спать.

Миранда послушно начала переодеваться. Горничная тем временем еще раз придирчивым взглядом окинула приготовленную постель, затем, с видом мастера, добавляющего последний штрих, слегка поправила торчащий уголок одной из подушек.

– Умница какая, барышня, – похвалила она Миранду. Девочка покраснела бы, не будь ее щеки и так румяны от недавней веселой возни. – Господа-то ваши, мне сказывали, совсем безрукие – стоят и ждут, когда им все подадут да наденут, а вроде здоровые, взрослые мужики, срам какой, да простят меня боги, грубиянку старую... Вот так, давайте я вашу одежду приму, да ложитесь себе отдыхать...

Горничная, продолжая бормотать себе под нос, удалилась, унося Мирандину одежду в стирку. Принцесса устроилась в подушках и взяла с тумбочки большой альбом с изображениями различных животных – заснуть после шумной, активной игры ей бы никак не удалось.

День был здорово наполнен впечатлениями, чего стоила хотя бы та поездка на конном трамвае по центру города. Потом она, Рэй и еще четверо ребят из детей придворных играли в парке с мячом, а после ужина Рэй учил ее, что на кроватях и диванах не только сидят или спят, а еще и так здорово прыгают! Прыжки закончились боем подушками, и никогда еще лишняя принцесса не чувствовала себя такой счастливой...

Но все хорошее когда-нибудь кончается, закончилась и эта невероятная вольница. Вечером того дня, когда уехала принцесса, Рэй долго лежал в своей кровати и не мог уснуть. У него в голове не вмещалось все, что он узнал о воспитании девочек в Золотой империи. Надо же додуматься – уроки послушания! А чего стоит игра в куклы по правилам! У его сестер были куклы, но никто не следил, какие сценки они разыгрывают, да и кроме кукол в детской всегда были мячи, обручи, ракетки, заводные зверюшки, кукольные экипажи, книжки-игрушки, пищащие яркие птички, кубики и карточки с викторинами. У одной из старших сестер, Зары, была любимая игрушка – чудесная пара драконов, умеющих парить, словно воздушные змеи...

Миранда казалась ему экзотическим цветком, по ошибке попавшим в дурную, грубую почву пустыря, где плотно и нагло прорастают колючие сорняки. Он не знал, как помочь девочке, и был очень рад, когда узнал, что переговоры состоялись успешно, и дипломатические отношения с Золотой империей были скреплены надлежащими печатями. Это означало, что Рэй может видеть Миранду два раза в год – в ее приезд в княжество и во время ответного визита. Если, конечно, его отец не поссорится с золотианским правителем.

Утром юный княжич подобрался к отцовскому кабинету, но его остановил недовольный голос тетушки Клары.

– ... а я тебе говорю, Берти, ты жутко расточителен, – донесся до мальчугана бойкий голос министра экономического развития. – Я думаю, с такими расходами на дипломатию, можно было и запросить побольше за прокладывание новых путей!

– Тетушка, умерьте свой пыл. – Голос отца был усталым, словно он повторял эту фразу не в первый раз.

– Умерить? Да эти варвары ведут себя так, как будто с пальмы вчера спустились! Мужчины! – Последнее слово она произнесла с подчеркнутым презрением. – Вас нельзя близко подпускать к серьезным делам!

– Интересно, с кем тогда вы сейчас разговариваете, тетушка, – с едва заметной насмешкой парировал князь. – Хватит корчить из себя отпетую мужененавистницу, можете делать это перед газетчиками, но я-то в курсе про то, что у вас были фавориты...

– Ай, Берти, это было пятнадцать лет назад! Молодая была и глупая, – ухмыльнулась бойкая тетушка.

– Осмелюсь напомнить, что пятнадцать лет назад вы были старше, чем я сейчас, – снова усмехнулся князь Эгберт. – Тетя, я понимаю ваше недовольство. Я сам был бы только рад, если бы переговоры по вопросу экспорта и прокладки дороги вели вы, но в случае консервативных золотианцев это невозможно.

– За это они еще заплатят, – алчно пообещала тетушка, подсчитывая в уме – сколько именно. – Рэй, ты что здесь делаешь?

– Я к папе пришел, – ответил только что замеченный княжич. – Здравствуйте, бабушка Клара.

– Иди сюда, мой золотой. – Двоюродная бабушка обняла внука и потрепала его по голове. – Ладно, я оставлю тебя в покое, Берти, но учти, это ненадолго.

– Не сомневаюсь. – Князь и бровью не повел. – Рэй, что ты хотел спросить?

– Пап, а если вдруг будет дипломатическая поездка в Золотую империю – можно, ты меня туда включишь? – Мальчик просительно взглянул на отца. – Я математику подтяну, обещаю!

Князь немного помолчал, глядя на сына. Да, пожалуй, жена была права насчет первой любви.

– Боюсь, тебе там не понравится, сынок. Видишь ли, там другая... кхм... культура, к которой ты не привык и вряд ли привыкнешь. Я слишком хорошо тебя знаю – ты там в первый же день найдешь, с кем подраться.

В душе князь даже считал такую реакцию правильной, но не подавать же сыну дурной пример...

– Пап, я буду хорошо себя вести, – произнес Рэй уже не так уверенно. – Я постараюсь... ну, первым не лезть.

– Ладно, посмотрим, – ответил князь, и младший сын просиял лицом и порывисто обнял папу. Эгберт вздохнул: честно говоря, он не очень-то верил, что Рэю там дадут пообщаться с его маленькой подружкой, но не стал расстраивать сына раньше времени. Кто его знает, как оно все сложится...

Бедная лишняя принцесса едва заметила неудобства обратного пути. Словно душа ее все еще оставалась в чудесном княжестве, где девочкам было позволено то же, что и настоящим людям, и где мальчик мог быть другом. Она получила на руки письмо от матери Рэя, которая в самых лестных выражениях характеризовала поведение девочки наставнице. Эта княгиня с ласковыми глазами оставила неизгладимое впечатление в ее душе: когда мать Рэя во второй раз пришла убаюкать ее колыбельной, Миранда расплакалась от непривычного чувства, не умея еще принимать эту почти материнскую заботу.

Однако в первый же день дома душа Миранды вернулась в свою золотую клетку. Это были слова Рэя – он, возмущенный словами Миранды о здешних нравах и порядках, узнавший, что Миранда не имеет права с ним переписываться, в сердцах воскликнул:

– Да у вас не Золотая империя, а золотая клетка!

– Замолчи! – Миранда едва не заплакала от обиды. Рэй насупился и сжал губы. И пусть принцесса чувствовала, что он был прав, тысячу раз прав, но другой родины и другого дома у нее не было, и именно туда ей предстояло вернуться.

Девочка отдала письмо от княгини наставнице. Арима принялась читать послание, держа письмо в полусогнутой руке и постепенно отодвигая его чуть дальше. Тонкие губы, подведенные неизменной коричневой помадой, шевелились, издавая невнятное прищептывание. Миранда стояла, устремив глаза в пол, лишь иногда быстро взглядывая на наставницу. Но та, прочитав письмо, не стала ничего говорить, а лишь знаком велела лишней принцессе следовать за ней.

Миранду отвели к дворцовой повитухе на унизительный осмотр. Убедившись, что принцесса не утратила своей девственности, оказавшись без должного присмотра в чужой стране, Арима отпустила воспитанницу разбирать вещи после поездки.

Перебирая вещи, Миранда заметила, что одна из сорочек лежит комком, и встряхнула ее. На кучу одежды мягко шлепнулась круглая жестяная коробка. Миранда приоткрыла крышку: там были конфеты. Девочка поворошила их рукой, словно пытаясь найти еще что-нибудь – например, записку, но ничего не нашла и вздохнула со смесью сожаления и облегчения: если наставница Арима обнаружила бы адресованный Миранде клочок бумаги, принцессе было бы несдобровать.

Лишняя принцесса машинально развернула и сжевала одну из конфет, но есть шоколад без Рэя оказалось совершенно невкусно. Девочка смахнула предательскую слезу и сунула коробку под матрац. Завтра надо будет унести ее в сад и спрятать там получше.

Едва Миранда успела припрятать коробку хотя бы в такое ненадежное место, как собственная постель, в комнату вошла Ленора.

– Вернулась? – Голос сестры был бесцветен, и сама она выглядела какой-то осунувшейся и усталой.

– Тебя опять наказали? – спросила Миранда, борясь с недоверием к сестре. Пожалуй, Мира угостила бы ее конфетой, но опасалась, что Ленора проболтается Серене или Мелоре.

– Это для моей же пользы, – тут же вздернула нос Ленора, но фиалковые глаза смотрели тускло. – Мне надо научиться быть хорошей женой.

Ленора достала свое рукоделие и принялась прилежно прокалывать ткань тончайшей иглой с длинной шелковой ниткой.

– А я совсем не хочу быть женой, – сказала вдруг Мира.

– Вот еще глупости, – возмутилась Ленора. – Не вздумай такого сказать при госпоже Ариме, она тебя в порошок сотрет, дурочка! Это ты в Зеленом княжестве набралась таких идей?

– Нет, но... Там все по-другому, Нора! – все-таки не сдержалась Миранда. – Я видела картинки в книгах. Там женщины даже работают!

– О боги. – Ленора подскочила к младшей сестре и, взяв за плечи, хорошенько потряхнула. – Мира, неужели ты совсем ничего не понимаешь? Наши мужчины берегут нас и освобождают от всякой работы! Мы не рабыни, как эти несчастные женщины в Зеленых землях! Придумала тоже!

– Нет, мы не рабыни, – упрямо возразила принцесса. – Мы просто вещи!

Ленора ахнула и несильно, но чувствительно шлепнула Миранду по губам.

– Богиня Ирис, даруй этой дурехе хоть немного ума! Слушай, Мира, дай мне слово, что больше никогда-никогда такого не скажешь. Хоть ты и упрямец, но я не хочу, чтобы тебя

казнили за такие слова. Ты скоро вырастешь и узнаешь, что такое любовь; поймешь, какое это счастье – быть женой своего господина...

Миранда сидела смиренно, лишь ее карие глаза выдавали бушующий внутри гнев.

– Я не буду говорить этого больше никому, – сказала младшая упрямо. – Но я буду думать...

– Да думай сколько влезет, главное – молчи, – слегка отлегло от сердца у Леноры, и она принялась доделывать свою вышивку.

Миранда перебрала свои вещи и вдруг спросила:

– Нора, ты помнишь нашу маму?

Ленора вздрогнула и воткнула иголку дальше задуманного места, получив кривой стежок. Принцесса пристально посмотрела на сестру-вольнодумку и некоторое время молчала.

– Да... – наконец выдавила из себя Ленора, чувствуя, что в горле у нее совсем пересохло.

– Как ее звали?

– Не знаю, – ответила Нора, отложив вышивку. – Никто не называл ее по имени. Женщина, выйдя замуж, должна сменить свое имя на имя супруга, как записано в Книге Женственности.

Миранда кивнула. Она как-то не задумывалась о том, что ее ровесницы выйдут замуж и станут зваться “супруга министра” или даже “жена императора”, ну или, если хочется конкретики, ее мать бы называли госпожа Адам, по имени императора... Неужели и она когда-нибудь выйдет замуж и перестанет называться Мирандой, а станет женой такого-то? От этой перспективы веяло жутью.

– Мама любила нас? – вдруг продолжила расспросы младшая.

Вопрос застал старшую лишнюю принцессу врасплох.

– Она иногда прибежала к твоей колыбели, – хриплым, словно не своим голосом вдруг ответила Ленора. – И к моей... Я слышала это в тот день, когда ее казнили.

Миранда так и впиалась взглядом в сестру, жадно ловя каждое ее слово.

– Ты видишь, не довело ее это до добра, – скомканно закончила Ленора, давая понять, что больше разговаривать не намерена.

Миранда замолчала. Она не помнила мать, и та представлялась девочке кем-то вроде Леноры, только взрослее, потому что все говорили, что старшая девочка похожа на мать как две капли воды. Впрочем, долго лишней принцессе рассуждать не дали – в спальню вошли остальные соседки.

## Глава 6. Развратница

Девушки попытались вытянуть из принцессы подробности поездки, ведь их собственная жизнь была совсем бедна на события, но Миранда отмалчивалась. Казалось, рассказать про Рэя, про его домик, про нежную колыбельную, которой девочку убаюкивала княгиня с ласковыми глазами, для лишней принцессы было равносильно осквернению этих воспоминаний.

– Ну и молчи тогда, – высокомерно сказала Мелора.

– Да оставьте ее в покое, – сказала Нора, подняв глаза от рукоделия. – Жуткая, варварская страна, там женщин заставляют работать!

Подруги заахали от изумления и возмущения.

– Да уж, небось и тебя заставляли? Неудивительно, что ты говорить не хочешь, – хлопнула себя по коленке Серена.

– Никто меня не заставлял, – хмуро бросила Миранда, но девушки уже потеряли к ней интерес, взбудораженные совсем иной новостью.

– Нора, слушай, кажется, Мелору скоро обручат с министром внутренних дел! Она может стать его второй женой! – с плохо скрываемой завистью выпалила Серена.

– Правда? Какая ты счастливая, Лора! – восхитилась Ленора. – Он еще так молод, всего на десять лет тебя старше!

Немногословная Мелора лишь величественно качнула головой. Дочь знатного сановника, она не сомневалась в своем достойном браке.

– Ну, конечно, еще ничего не решено... – продолжила Серена, уже заметно кривясь. – По-всякому может сложиться... Но как я вам завидую, девочки! Я тоже хочу замуж!

Серена скорчила недовольную гримасу.

– Ну же, Рена, не обижайся, – попыталась успокоить подругу Ленора. – Ты тоже когда-нибудь выйдешь замуж, да и я ведь еще не помолвлена.

– Ага! Кто бы говорил, – не поддавалась утешениям Серена, – у тебя ведь есть поклонник, Кейран от тебя не отходит!

– Вот и забирай его себе, – подала вдруг голос Миранда.

– Миранда! – с укоризной, хором воскликнули девушки.

Младшая насупилась. Она видела, что ее сестра не в восторге от приставаний Кейрана, но воспитание не давало Леноре отклонять его назойливые ухаживания. Он – мужчина, он выбирает, а она – слабая женщина, и ее долг – подчиняться и быть счастливой.

– Увидишь, он сделает тебя своей жено-ой... Победит всех соперников... Ты такая счастливица, Нора! Вы такие счастливые, девочки, не то, что я-а-а, – проныла Серена, получив от подруг очередную порцию похвал и утешений. – Меня никогда никто не полю-убит!

Миранда демонстративно отвернулась и накрыла голову подушкой. Трагедию Серены принцесса считала неискренней и мелочной, к тому же ее сильно обеспокоили слова о том, что Кейран не отходит от сестры. А вдруг Ленору в самом деле отдадут в жены этому мучителю?

Жизнь покатила своим чередом, правда, теперь она казалась еще тяжелее обычного, ведь Миранда точно знала, что бывает по-другому, и что ее недовольство женской судьбой золотианок имеет под собой основу. Девочка стала прилежнее учиться, мечтая о новой поездке в Зеленое княжество и дрожа от страха, что ее могут не взять в следующий раз.

Госпожа Арима приписала успехи Миранды своему воспитательному таланту. Наставница жутко тряслась при мысли о надвигающейся старости и, нервно маскируя морщины, мечтала выслужить право остаться надзирательницей женской половины, как только ее возраст станет совсем оскорбителен для мужского взгляда.

Впрочем, за всю жизнь она тоже натерпелась страху – сначала перед наставницами, потом боялась, что ее отец, один из бесчисленных мелких советников, получающих жалованье непонятно за что, не устроит ее брак. Батюшка Аримы на самом деле не очень-то заботился, кому бы сбавить младшую дочь, а тем временем приближался опасный возраст – двадцать один год, когда девушка начала бы считаться перестарком. Совсем близко к этому опасному рубежу чиновник все-таки выдал дочку замуж – третьей женой своего начальника, которому уже стукнуло семьдесят. Муж был немощен и к супружескому долгу уже непригоден, ему просто льстила мысль показать друзьям и знакомым, что он еще ого-го как силен, и молодая жена ему по зубам.

Однако через месяц хвастливый старец покинул этот мир, и выяснилось, что из наследства у него одни долги. К счастью, старшая из сестер Аримы употребила все свое влияние на мужа, чтобы избавить родственницу от участи быть проданной в публичный дом, выхлопав место наставницы девочек во дворце и право называться госпожой Аримой. Вскоре никто и не вспомнил, что эта старая дева на самом деле вдова, и несчастная девушка принялась учить подопечных, опасаясь, что обман раскроется. Но шло время, никому не было дела до новой наставницы, и постепенно Арима вошла во вкус. Воспитанниц она не любила, испытывая глухую зависть к их красоте, молодости и возможности заключить хороший брак, но ей понравилось быть главной и распоряжаться – кого похвалить (редко), а кого наказать (очень часто).

Лето окончилось, и вступала в свои права осень, правда, пока лишь календарная – погода оставалась жаркой и сухой. Но уроков стало куда больше, чем летом, и теперь Миранда, занятая нелегким трудом – угодить Ариме и остальным наставницам, уже не проводила так много времени в своем любимом месте в саду.

Она не сблизилась с Ленорой, и вообще старшая стала ее избегать, словно боясь расспросов или, быть может, заразиться от младшенькой опасной болезнью вольнодумия. Теперь Ленора проводила много времени с Мелорой и Сереной, шушукаясь с ними про новые уроки – уроки оболъщения, которые начались у старших девочек с этой осени.

Кейран продолжил третировать Ленору на уроках послушания. Кажется, ему не надоела эта забава, в отличие от большинства мальчишек. Миранда после этих уроков хвостом ходила за сестрой, чтобы отбить у преследователя надежду на то, что он сможет зажать Нору где-нибудь в укромном уголке.

Впрочем, сама Ленора твердила, чтобы Миранда прекратила за ней таскаться, словно щенок за хозяином. Старшая лишняя принцесса совсем запуталась в своих чувствах: ведь она делает все правильно, она послушна, скромна, всегда привлекательна и хочет выйти замуж – так почему же ей становится настолько неприятно от нахальных ухаживаний Кейрана?

Как-то раз Миранда возвращалась от наставницы Нарины, которая обучала девочек рукоделию. Лишней принцессе не раз доставалось за неаккуратные узелки на изнанке вышивки, поэтому сейчас она, расстроенная, шла к себе, в тот самый уголок сада, чтобы успокоиться и немного помечтать. Девочке предстояло переделать вышивку к следующему утру, но сейчас она была не в состоянии сосредоточиться на непослушных узелках.

Противный голос Кейрана заставил ее замереть.

– Ну же, Норка, давай, не стесняйся, – дразнил Ленору наглый, грубый юношеский голос.

Миранда осторожно, стараясь не произвести ни единого звука, подкралась к кустам, за которыми девочка увидела такое, что зажала себе рот, чтобы не вскрикнуть.

Ленора стояла на коленях перед Кейраном, штаны которого были приспущены, и из них торчал совершенно мерзкий на вид отросток.

– Давай, будь послушной девочкой, открой ротик, – глумливо усмехнулся мучитель, схватив Ленору за волосы. – Или мне проверить, тесная ли у тебя норка, а, Норка?

Ленора пыталась вырваться, но где ей это было сделать, когда ее светлые локоны были намотаны на кулак. Да и многолетняя привычка подчиняться мужчине беспрекословно сыграла свою роль. Насильник же совал ей прямо в лицо.

Миранда дрожала от страха, не понимая, как ей быть. Сама она слишком слаба, чтобы противостоять Кейрану, а звать на помощь – Леноре точно достанется... Ну почему она не догадалась принести вышивку сюда? Тогда бы у нее сейчас была иголка, какое-никакое, а оружие...

Пока невольная свидетельница мучилась сомнениями, Кейрану удалось впихнуть свой противный отросток Леноре в рот, и на лице его появилось довольное выражение.

– Вот так, соси, хорошая шлю... Ай! – едва ли не взвизгнул он, отшатнулся и ударил укусившую его Ленору наотмашь. Она упала, и на платье ее брызнули капли крови. Несчастная жертва сделала было движение отползти, но парень наступил ей на подол, не позволяя ей покинуть это место.

– Отпусти ее! – сама не своя от страха, Миранда с отчаянным криком выбежала из-за кустов.

– Да что ты говоришь, козьявка, – хищно ухмыльнулся Кейран. – Вали покуда цела, меня твои цыплячьи прелести не интересуют.

Миранда схватила с земли палку и крепко сжала ее.

– Отпусти, – повторила девочка, бросив быстрый взгляд на Ленору, которая силилась встать, вытирая капавшую из носа кровь. Миранде пришлось в голову ударить Кейрана, а пока парень будет за ней гоняться, сестра успеет убежать.

Миранда замахнулась палкой, но та разлетелась на две части при ударе о подставленное предплечье, а затем уже на голову самозваной защитницы обрушился удар, от которого она рухнула на землю, на несколько минут потеряв сознание.

Очнувшись, Миранда услышала противные пыхтящие звуки и жалобные стоны. Кейран возвышался над распростертой на траве Ленорой, перехватив ее руки. При виде его ритмично поднимающегося и опускающегося поджарого зада, Миранду замутило.

Затем парень встал, толкнул презрительно ногой неподвижно лежащее тело и удалился прочь, на ходу застегивая штаны. Миранда подобралась к сестре и увидела, как вздрагивают ее плечи.

– Ленора, – принцесса увидела, что подол платья сестры испачкан кровью, – пойдём, тебе помощь нужна...

– Никого не зови, – резко оборвала ее Ленора. – Никого, понимаешь!

И горько зарыдала.

Миранда сидела молча, обняв сестру, не понимая, как быть. Почему нельзя позвать на помощь, когда сестра вся в крови? А та рыдала все горше и горше.

– Принеси мне нож, – отрывисто шептала она между всхлипами, – принеси, лучше я умру сама, чем...

– Ленора, но ведь это Кейрана должны наказать за то, что он сделал!

– Ты ничего, ничего не понимаешь. Я должна умереть, – плакала Ленора, понимая, что даже если и удастся скрыть каким-то образом порванное платье, жить ей остается до следующего осмотра у повитухи. Никто не будет разбираться. Кейрану достаточно будет сказать, что девушка его “соблазнила”, и на том дело и кончится. Казнью развратницы.

Миранда просидела с Ленорой до рассвета, когда их нашли посланные за ними рабыни. Рыдающую Ленору увели.

– Молчи, молчи, заклинаю тебя, молчи, – восклицала она, слыша, как бойко и смело младшая заступает за нее.

Миранда получила изрядную порцию упреков и прутов от Аримы, но продолжала упрямо стоять на своем. Измочалив о непокорную воспитанницу розгу, Арима утерла пот со лба. Упря-

мая девчонка, просто наказание богов. Снова какие-то проблемы с ней! Наставница больше ни капли не сомневалась, что дерзкая принцесса так и не согласилась с мудростью древних традиций.

– И перепиши четыре страницы из Книги Женственности, – бросила небрежно Арима. – Красивым почерком, как положено девочке! Сегодня же, я проверю.

Миранда стиснула зубы. Конечно, после порки прутом ладони горели, и она не удержит в руках ручки. Какой уж тут красивый почерк, это ведь только предлог, чтобы снова избить ее...

Примочив немного руки холодной водой, Миранда прошла в комнату для самостоятельных занятий и раскрыла ненавистную Книгу на странице, заложенной госпожой Аримой.

Лишняя принцесса, стараясь не вникать в тошнотворное содержание, переписала уже полторы страницы, когда в комнату заглянула Серена.

– Зря сидишь, уроков завтра не будет, – хихикнула ей Серена, – завтра казнят Ленору.

– Что? – У Миранды потемнело в глазах. – За что?

– Ну ты рассуждаешь, точно малявка! Будто не понимаешь! Она опозорена, – округлив глаза, произнесла быстро девушка. – Она отдалась мужчине и заслуживает казни.

Глаза Серены блестели лихорадочным блеском, как всегда, когда она говорила о чем-то запретном, так сильно ее волновала таинственная, опутанная кучей правил и недосказанностей область отношений между мужчиной и женщиной.

– А что будет с Кейраном? – спросила Миранда.

– Как – что? Он не виноват, ведь Ленора его спровоцировала! Говорят, она пошла в мать – такая же развратница...

Миранду затрясло.

– Это неправда! Я сама видела! Я же все рассказала – это Кейран к ней полез! И ты тоже об этом знала, ты не раз видела, как он ей проходу не давал!

– Тише, не кричи так! Миранда, стой, глупая! Миранда, куда ты? – запричитала Серена.

Но Миранда уже неслась по коридору с неподобающей принцессе, пусть даже лишней, скоростью. Неужели эти глупые взрослые ничего не поняли? Неужели Кейран оболгал Ленору, и ее казнят, не разобравшись? Но ведь Миранда все видела. И все рассказала! Нет уж, она этого так не оставит!

Пробравшись прямо к императорским покоям, Миранда с разбегу налетела на дверь, проскочив между опешившими от невиданной наглости стражниками. Та распахнулась, и девочка увидела своего отца.

Посреди комнаты негромко журчал комнатный фонтанчик из малахита, отделанный сверкающими рубинами. Император Адам возлежал на диване, одетый лишь в белоснежные шаровары. Это был мужчина атлетического сложения, лишь талия его с возрастом начала заплывать жирком, а золотистая кожа отчасти утратила упругость, собравшись на лбу тяжелыми складками морщин. Он был наголо брит и не носил ни усов, ни бороды. Зато густая растительность покрывала его мускулистые руки и голени, грудь, спускаясь дорожкой по животу.

Возле его ложа на коленях скромно присели две хорошенькие наложницы – блондинка и брюнетка. Обе были почти обнажены до пояса, лишь соски на их небольших торчащих грудках были прикрыты круглыми золотыми нашлепками, соединенными тонкими цепочками. Тела их блестели, словно намазанные ароматным маслом. Блондинка держала в руках кисть винограда, видимо, чтобы кормить своего повелителя. Правитель Золотой империи, поддев цепочку на ее груди указательным пальцем, не спеша поигрывал ей, то потягивая на себя, то ослабляя натяжение. Вторая наложница негромко перебирала струны диковинного музыкального инструмента, названия которому Миранда не знала. Третья наложница, золотоволосая девушка, едва старше Леноры, обнаженная стояла поодаль, словно прекрасная мраморная статуя. Лишь ее бедра были слегка задрапированы прозрачной газовой тканью.

При виде незваной гостьи император поднялся и смерил девочку суровым взглядом:

– Кто пустил?

– Ваше величество! Рассудите мудро! – звонко выкрикнула Миранда, упав на колени. – Отмените казнь Леноры, она ни в чем не виновата!

– Ваше... – Вбежавшие стражники шустро повалились на колени, коснулись лбами пушистого ковра и только после этого вскочили. Подхватив Миранду под обе руки, они замерли, ожидая приказа.

– Кто такая? – спросил император сурово, сделав шаг ближе.

– Лишняя принцесса, ваше величество! – доложил один из стражников.

– Ваше величество, Ленора не виновата! Кейран ее избил и заставил! Я все видела своими глазами! – продолжала проявлять непочтительность Миранда.

Император Адам резко сделал знак рукой, и заскорузлая ладонь одного из стражей закрыла бунтарке рот.

– Ты не имеешь права говорить, пока я не разрешу, – веско сказал он, словно ронял не слова, а каменные булыжники. – Кто и в чем виновен, судить мне, а уж никак не тебе.

Миранда буквально сверлила его лицо глазами. Император подошел ближе и больно сдавил пальцами ее подбородок, вздернув его так, что девочке стало трудно дышать. Ее рот и даже нос все также закрывала широкая ладонь.

– Ты плохо слушаешь наставниц, лишняя принцесса, – сказал он все так же жестко и веско. – Ибо сказано в Книге Женственности: если какая из дев утратит свою честь, то ее следует предать смерти дабы остальным было неповадно. Если же надругается над ней кто, то необходимо развратницу казнить лютой казнью, поскольку не может мужчина быть виновен в том, что поддался искусительным чарам.

Миранда даже не вскрикнула, потому что вдруг ощутила внутри страшную злобу к этому человеку.

Император тем временем резко отпустил ее подбородок, выдохнув:

– Не плачешь? Это плохо. Будь ты мальчишкой, я бы похвалил тебя за храбрость. Но поскольку ты девочка, то это не храбрость, а дерзость и неуважение к мужчине. И если ты не искоренишь это в себе, то кончишь на эшафоте.

Повелитель Золотой империи вернулся к дивану и поманил к себе обнаженную наложницу.

– Увести, – коротко бросил он стражам и с наслаждением стал смотреть, как медленно, грациозно покачивая бедрами и трепеща от страха, подходит к нему послушная наложница.

Стражники уволокли брыкающуюся девочку в ее комнату, здорово напугав надзирательницу женской половины. Та, угодливо кланяясь, заперла Миру на ключ и побежала за Аримой.

Лишняя принцесса уткнулась лицом в подушку. Воспаленные глаза отказывались лить слезы, в сердце бунтарки разгоралась ненависть – даже сильнее, чем к Кейрану. Если бы она могла убить всех этих мерзавцев!

Кейран тоже страдал. Вернее, страдало его самолюбие. Как же неаккуратно получилось – ведь он нарочно выбрал ее и мучил, проверяя, действительно ли Ленора так покорна и послушна, как в заветах богини Ирис. Все могло сложиться замечательно, сколько удовольствий могла бы ему доставить эта хорошенькая блондиночка с такой роскошной грудью и пухлыми розовыми губками. Ведь он бы не стал прибегать к таким крайностям, если бы она не проявила неожиданное упрямство. Что ей, сложно было – пять минут поработать ртом? Что, убыло бы? Поделом ей!

– Поделом ей! – последнюю мысль Кейран повторил вслух, с силой зашвырнул ножиком в портрет какого-то древнего старца, висевший на стене, и попал точно в переносицу.

– Зря ты, Кей, – подал голос Орик. Он сидел на пуфике и лениво жевал очередной персик, так что влажный сладкий сок тек по подбородку.

– Про портрет никто не узнает, – огрызнулся Кейран, недовольный, что выслушивает упрек. Да еще от кого – этого толстого, всем довольного ублюдка!

– Я не про портрет, – невозмутимо ответил Орик, откусывая еще от сочного плода. – Я про казнь.

– Твое какое собачье дело? – вспыхнул Кейран. – Заткнись и жуй дальше, жирный ты безмозглый недоносок!

Орик неторопливо, с достоинством сплюнул косточку и, утерев о штаны липкую от сока руку, подошел к Кейрану вплотную, а потом взял его за грудки и без особых усилий приподнял над полом, словно сопливого мальчонку. Остальные парни только вытаращили глаза и озадаченно примолкли. Никто из них не кинулся на помощь.

Кейран забарахтался и сразу захрипел от того, что воротник сильно пережал ему шею.

– Я не жирный, я сильный, – со своим обычным спокойствием ответил Орик. – И раз ты не умеешь слушать сидя, то слушай так. Зря ты девчонку подставил.

– Она сама напросилась, – прохрипел Кейран, но здоровяк лишь слегка приподнял его, чтоб тот снова захрипел от удушья и заткнулся.

– Зря ты девчонку подставил, – повторил Орик. – Ну, попросил бы рабыню для утех, все равно через полгода она тебе и так положена. Вечно ты выдрючиваешься, где не надо.

После этой долгой, нехарактерной для немногословного флегматичного Орика речи, парень разжал пальцы, и собеседник грохнулся мимо подушки, отбив задницу.

– Припомню еще тебе, скотина, – прошипел Кейран. Орик выразительно обернулся, и Кейран проглотил рвавшееся наружу ругательство.

– Я и надеялся, что ты хоть что-то запомнишь, – невозмутимо ответил Орик и снова занялся опустошением фруктовой вазочки.

В день казни Леноры Миранда прорыдала целый день, отчего у нее начался жар. Болезнь, вызванная нервным потрясением, спасла ее от неминуемого наказания – за сочувствие развратнице, неоконченную вышивку, недопереписанные страницы и наглое вторжение в императорские покои, не говоря уже о более незначительных проступках. Миранда с болью в душе вспоминала, как Ленора советовала ей быть терпеливой и послушной, а в итоге – много сестре помогло то, что она сама следовала обычаям! Может быть, если бы Ленора умела постоять за себя, она бы, наоборот, осталась жива!

У постели лишней принцессы дежурила сиделка – госпожа Элия, помощница дворцовой повитухи.

– Но почему ее? Почему не его – а ее? – давилась рыданиями Миранда.

– Успокойся, деточка, – твердила сиделка, но осиротевшая девчонка не желала успокаиваться. – Понимаешь, она виновата...

– Она ничего плохого не сделала! Если грабитель отберет мой кошелек – разве вина не на нем?

– Миранда, деточка, это совсем другое, – возразила госпожа Элия и принялась объяснять про женскую честь, которую необходимо хранить, и если бы Ленора была порядочной девочкой, с ней бы такого не случилось, но почему-то эти доводы не находили отклика в душе Миранды. Единственное, что почерпнула из слов госпожи Элии девочка – то, что мать Миранды и Леноры была казнена ровно за то же самое: она не сберегла свою честь. На ее экипаж, следующий в загородную резиденцию императора, напали разбойники, перебили охрану и надругались над ней.

– Конечно, император был ужасно расстроен, – продолжала рассказывать словоохотливая Элия, – представляешь, деточка, вместо того, чтобы отдохнуть несколько дней от государственных забот со своей женой, его величеству пришлось организовывать ее казнь. Это был такой ужасный удар для него!

У Миранды вертелся на языке довольно ядовитый вопрос, не забыл ли безутешный император организовать розыск мерзавцев, напавших на экипаж, но она прикусила язык и спросила про другое:

– Как же мама могла сбересть свою честь, если девочек не учат драться? Разбойников же было много, и все вооруженные! Даже охрана не справилась! – У Миранды уже не осталось слез, глаза ее были красны, как ягодный компот, и жутко болели.

– Ну, строго говоря... – замялась госпожа Элия, – охраняли-то ее женщины, так положено. И наших четырех принцесс охраняют женщины, и супруг наших принцев – тоже. Они не видят никаких мужчин, кроме мужа. Ты у нас бойкая девочка, поэтому можно попробовать тебя устроить в охрану, хочешь?

– А можно? – не веря своим ушам, выпалила Миранда.

– Вообще-то, – замялась Элия, – плохо то, что ты лишняя принцесса. Тебя все равно выдадут замуж за победителя Игр, но до этого – можно. Но только если все твои наставницы будут довольны твоими успехами за женские дисциплины.

Миранда кивнула, потрясенная открывшейся возможностью. Ради возможности защитить себя можно и научиться выводить аккуратные буквы или красиво вышивать.

– Будь прилежной, деточка, и тогда я похлопочу, чтобы тебя взяли в обучение, – ответила Элия, обрадованная, что девочка больше не плачет. – Ведь одна из телохранителей супруги министра Эрика скоро вынуждена будет оставить пост: она стареет. Ты сможешь стать ей замечательной. Ну и кто его знает, как оно все будет. Был случай, когда лишняя принцесса вовсе не вышла замуж – то Игры срывались под разными предлогами, то охотников не находилось, да и сестер хватало... Странная история, однако, когда принцессе исполнилось двадцать восемь, никто уже не хотел на ней жениться, и она дожила до старости, охраняя сначала супругу тогдашнего наследника, а потом его старшую дочку...

Сердце Миранды едва не выпрыгнуло из груди от волнения. Научиться бы драться, тогда ни один мерзавец не сможет поступить с ней так, как Кейран обошелся с Ленорой. Предстояло только разобраться с оценками за “женские” дисциплины.

На следующий день после выздоровления Миранда подкараулила Орика и, посулив ему целую коробку заграничных конфет, попросила выбирать ее на уроке послушания. Обжора и сладкоежка, Орик согласился на сделку, и одно из самых трудных дел на пути к обучению боевым искусствам было положено.

Конфеты – подарок Рэя, незаметно подсунутый в сундук с одеждой, – Миранда честно отдала Орику, оставив себе лишь одну, с самым красивым фантиком. Конфету было решено приберечь до приезда Рэя. Вряд ли она увидится с ним во дворце, и уж тем более им не светит остаться наедине. Но, может быть, боги позволяют событиям идти так, чтобы снова съест с ним напополам конфету.

## Глава 7. Уроки истории

– История, друзья мои, должна быть справочником. Вас наверняка учили, что наши предки обладали великой мудростью, до которой нам далеко, – начала свой рассказ молодая учительница с блестящими синими глазами и пушистой прической, с выбивавшимися то там, то тут из строгого узла волосками.

Ей было не более двадцати трех лет, и весь ее облик казался летящим: худенькая фигурка словно рвалась ввысь, а белые кружева на широких рукавах блузы навевали мысли о перьях или облаках.

– На самом деле, мы должны уважать своих предков, чтить их память – но не преклоняться перед ними. Их поступки не продиктованы некой вселенской мудростью, они вели себя так, как того требовала тогдашняя мораль, которая меняется с течением времени, и должна меняться – ничего страшного в этом нет.

Хорошенькая толстушка с туго заплетенными косичками подняла руку.

– Луиза?

– Я хотела спросить... – немного застенчиво теребя в руке карандаш, произнесла Луиза. – Разве моральные ценности могут меняться? Есть же вечные ценности – например, любовь...

Произнеся последнее слово, девочка приобрела румянец свекольного оттенка и села.

– Любовь... – учительница побарабанила пальцами по краю стола, – это хорошо, что ты задала такой вопрос, Луиза. Но была ли любовь, что воспевали наши прадеды и прабабки, той же любовью, что и в наши дни?

Молодая женщина резко повернулась на каблуках, и глаза ее вдохновенно загорелись.

– Вспомним классику: мужчина восхищался красотой своей возлюбленной, невинностью и хрупкостью. Но ведь красота, и тем более невинность – вещи непостоянные. Любовь наших предков не предполагала близости и взаимной поддержки: в книгах по домоводству жене предписывалось быть всегда веселой, здоровой и красивой, но мы все люди. Мы устаем, болеем, старимся... А хрупкость? Разве хрупкая женщина может быть опорой своему супругу в трудную минуту?..

Рэй слушал урок невнимательно. Новая учительница, госпожа Анна Шерея, говорила такие очевидные вещи, словно они были не тринадцатилетними взрослыми людьми, а несмышленишками или дикарями. Отец Рэя женился на его матери, а не на первой красавице королевства, и никогда Рэй не видел, чтобы его родители оскорбляли друг друга. Спорили – да, поддразнивали – да, но не язвили, не обливали ледяным презрением, не стремились ударить по больному. Княгиня Мария была не только возлюбленной, но и другом, и бесценным советчиком для князя Эгберта.

Старшая сестра, Лара, уже была замужем за графом Ройстедом и нянчила девочек-близнецов. Рэю не нравился сухой, мрачноватый, всегда одетый в черный, с иголки, костюм граф, но Лара отмахивалась, что ее смешливости хватит на обоих, и на мужа не жаловалась. Любила ли она его?

– Рэй! Я вижу, ты ушел в свои мысли, наверное, ты нам сейчас скажешь что-нибудь мудрое о том, чем отличалась любовь наших предков от современного смысла этого слова? – выдернул подростка из воспоминаний звонкий, чуть насмешливый голос учительницы.

Рэй поднялся со своего места и ответил:

– Я думаю, что нам очень повезло жить в то время, когда любовь появилась не только как слово, но и как действие. Раньше об этом только болтали, писали стихи и прочий бред. Но при этом недавно нам задавали учить биографии знаменитых поэтов. Севил бил свою жену, а мы восхищаемся его поэмой, обращенной к ней. Разве это любовь, когда бьют? Песни Арона Арвентиса поют на празднике влюбленных, и никого не смущает, что он тоже был женат, а

стихи посвящал многочисленным любовницам. Про Золотую империю говорят, что нет такой страны, где настолько умеют ценить женскую красоту...

– Достаточно, Рэй, я поняла твою точку зрения, – остановила ученика Анна Шерея. – Кто-нибудь еще хочет высказаться?

Как это часто бывало на ее уроках, завязался спор. Даже застенчивая Луиза с жаром отстаивала свое мнение. Электрическая, резкая трель звонка – недавнее нововведение – прервала поднявшийся шум, и учительница четко поставленным голосом объявила задание.

– На следующий урок вы придете с газетами, лучше разными, договоритесь между собой, чтобы не повторяться... Выберите там несколько статей для обсуждения в ключе – что бы сказал историк будущего, наткнувшись на эту статью...

Рэй подошел к столу, возле которого сгрудились над списком газет одноклассники, и не вчитываясь чиркнул свое имя рядом с одной из строк.

– Рэй, пойдем после уроков за газетами? – нагнал княжича в коридоре Эрлан, который приходился Рэю кузеном.

Рэй молча кивнул.

– Ты чего такой вареный... задумчивый, – поправился Эрлан и помахал испачканной чернилами ладошкой перед лицом приятеля.

Рэй слегка поморщился.

– Опять про свою Золотую империю думаешь?

– Я не могу о ней не думать, – ответил Рэй, когда они вышли в одну из рекреаций и забрались там с ногами на широкий подоконник, их излюбленное место. – Там ведь люди живут...

– Ну, вот именно – живут. Если бы их не устраивало, давно бы скинули власть, и дело с концом, как друавы, они вообще без правителя обходились, или законы новые приняли, как это у нас было.

– Ну ты сравнил, – хмыкнул Рэй, – еще б божественную историю вспомнил, о первых людях, тогда вообще никаких князей и королей не было.

– Ну в самом деле, Рэй! Сдалась тебе эта отсталая империя! – продолжал настаивать Эрлан. – Это же тебя лично не касается.

– Мой отец говорит, что из человека, который закрывает глаза на чужую беду, хорошего правителя не выйдет, – закончил разговор Рэй, спрыгивая с подоконника.

– Так мне править точно не придется, – справедливости ради заметил Эрлан. – Да и тебе тоже, коли на то пошло.

– Ладно... – не стал спорить княжич. – Пойдем, что ли...

Вдоволь набегавшись на уроке физического развития, мальчики пообедали в школе и пошли в библиотеку. Библиотекарь, мужчина средних лет с узким задумчивым лицом, положил перед ними целую стопку газет, и приятели начали их разбирать.

Рэй вытянул из вороха прессы “Что нового?”, начал перелистывать страницы, наскоро пробегая заголовки и абзацы, пока его взгляд не споткнулся о рубрику мировых новостей.

*“...прошла традиционная “казнь чести”. Потерявшая невинность лишняя принцесса, возраст которой составлял всего тринадцать лет, была обезглавлена на Старой площади Крам-мара. Напомним, что законы Золотой империи суровы и не подразумевают никакого рассмотрения обстоятельств. Но даже такая страшная кара не останавливает современную молодежь в желании скорее приобщиться ко взрослым развлечениям...”*

– Рэй! Что с тобой? Ты весь белый, – испуганно воскликнул Эрлан, и встревоженный библиотекарь заспешил к их столику со стаканом воды.

“Тринадцать лет. Значит, это не Мира,” – подумал Рэй, но буквы перед глазами словно в чехарду играли. Тринадцать лет! Как ему или его друзьям и соученикам. Каково это – быть поруганной и казненной тогда, когда вся жизнь манит и зовет вперед, словно широкая, светлая дорога?

– Я в порядке, – прошептал бледный, словно привидение, княжич и отмахнулся от принесенного стакана. – Не беспокойтесь. Вот этот номер – на меня запишите, ладно?

Эрлан косил глаз на страничку и прочитал: “Жестокая казнь в Золотой империи”. Да уж, у Рэя прямо навязчивая идея какая-то.

– А мне – вот этот. – Эрлан взял толстый номер “Вестника”, решив, что выберет статью дома. Его очень, очень беспокоила странная заикленность кузена.

Электрический трамвай, недавно пришедший на смену конке, домчал Рэя до дворцовой площади. Мальчик отправился к себе, просидел в своей комнате до самого ужина, машинально делая уроки. Он открывал одну книгу за другой и словно забывал, зачем учебник был раскрыт. Когда наступило время вечерней трапезы, княжич поел без особого аппетита и снова сел за книги, поскольку не выучил почти ничего из заданного.

Княгиня, не обнаружив сына в его спальне, кликнула слуг и узнала, что княжич до сих пор в комнате для занятий. Она направилась туда.

Мария слегка стыдилась того, что она так много внимания уделяет младшему сыну – самому любимому, чье рождение стало для нее счастливой случайностью, несмотря на все перенесенные муки и долгое восстановление после трудных родов. Пусть мать привыкла считать его ребенком, но все же Рэй превращался из малыша в подростка, и старшие сыновья в его возрасте уже не были настолько с ней близки. Укоряя себя, что избалует Рэя, Мария не могла отказаться от этих душевных бесед с сыном по вечерам, с легкой грустью ожидая неизбежного: ее мальчик вырастет во взрослого, самостоятельного мужчину, у него появятся свои секреты и даже любовные похождения...

Застав сына, распластавшегося лицом прямо по заваленному тетрадами и книгами столу, княгиня почти невесомо погладила его по голове и осторожно потерла плечо.

– Вставай, мой мальчик, – сказала она нежно.

Рэй захлопал сонными глазищами. На щеке у него краснела полоса – след от корешка пухлой тетради, на лбу синело пятнышко чернил. Это смотрелось совершенно уморительно, и даже сопровождавший княгиню лакей еле сохранил невозмутимое лицо, удержавшись от улыбки.

– Ты так засиделся, – продолжала мать, умиляясь от выражения заспанной рожицы сына. – Ты что-то не мог понять в заданных уроках?

– Разберусь. – Рэй подавил непрощенный зевок и стал складывать тетради в стопку.

– Если тебе что-то непонятно, ты всегда можешь спросить у господина Сарена. – Княгиня произнесла имя одного из дворцовых учителей, нанятых для помощи детям в учебе.

– Я сказал, что разберусь, – огрызнулся Рэй.

– Ну знаешь ли... – Глаза матери сузились. – Я вижу, что ты на что-то или кого-то сердит, но это не значит, что надо выплескивать свою досаду на меня.

– Прости, мам, – повинулся Рэй и бросился обнимать ее.

– Может быть, – сказала Мария, но в ее голосе уже не осталось и тени того холодка, с которым она произносила предыдущую реплику. – А теперь пойдем, я уложу тебя спать, и ты мне расскажешь, если хочешь, что тебя так беспокоит.

– Ладно, только соберу книги на завтра. – Рэй выпутался из рук матери, подошел к столу и протянул ей газетную страничку.

Пока мальчик запихивал книги в кожаный ранец, глаза княгини пробежали по строкам статьи. Первым порывом женщины было скомкать газетный лист, но будучи важной государственной персоной, она давно научилась не показывать поспешных реакций, особенно если дело касалось прессы. Тем не менее, когда сын, закончив сборы, подошел к матери, на ее лице была довольно брезгливая гримаса.

– Если тебе она не нужна, я заберу ее, – сказала Мария.

– Я взял ее из библиотеки, – на всякий случай напомнил Рэй. – Мам, я боюсь за Миру.

– Мы что-нибудь придумаем, – попыталась утешить его мать, хотя сама она не была уверена, что здесь можно чем-то помочь. Надо поговорить с мужем, решила княгиня. Она привыкла обращаться к нему со всеми своими затруднениями, и еще не было случая, чтобы супруг не смог подсказать или помочь с непростым решением.

Мать уложила своего мальчика спать и ушла к себе, но отвратительные как по смыслу, так и по форме подачи строчки не выходили у нее из головы. Бедная девочка! Что за варварство в наши просвещенные времена! Княгиня содрогалась от одной мысли о том, что где-то матери регулярно оплакивают своих несчастных дочерей, не в силах защитить их от грубого произвола похотливых самцов. Сама она благодарила судьбу: ее собственным детям не грозили ни нужда, ни насилие, но как быть тем несчастным матерям, у которых суровые законы отнимают их дочек? Княгиня, мягкая и кроткая с виду, в вопросах защиты детей становилась настоящей тигрицей, но на соседнюю страну ее власть не распространялась.

Она долго ждала мужа, но так и уснула, не дождавшись, переживая за судьбу бедняжки принцессы, которая в первый раз показалась ей перепуганной, словно кролик, а рядом с ее сыном смотрелась обычным счастливым ребенком. Лишь глубокой ночью женщина сквозь сон почувствовала ласковые руки мужа и тепло его близкого, родного тела.

Возможность поговорить с супругом представилась ей на следующий день между обедом и ужином, когда у Эгберта образовался небольшой перерыв в делах.

– Свет мой, у тебя есть для меня полчаса? – спросила княгиня, притворив дверь в кабинет супруга.

– Располагайся, душа моя. – Князь улыбнулся. Он был рад приходу жены, особенно сейчас, когда все равно собирался недолго отдохнуть. – Или, если ты в настроении, пойдем прогуляемся. Я засиделся здесь, хочу немного размяться.

– Что ж, пойдем, – согласилась жена. Слуги подали им теплые плащи, поскольку погода была уже по-осеннему прохладной, и князь с княгиней, рука об руку, вышли во внутренний садик.

Деревья уже обнажились, а листья были сметены с дорожек в аккуратные кучки. Утренняя изморозь давно растаяла, растопленная ярким, пусть и не слишком ласковым уже солнцем. Прохаживаясь вдоль пустеющих клумб, где уже отцветали последние, самые холодостойкие цветы, они поначалу молчали, любуясь незатейливым осенним пейзажем.

Княгиня нарушила молчание первой.

– Свет мой, ты прочитал этот бульварный листок?

– Прочел, конечно, – кивнул Эгберт, – и даже отдал распоряжение разобраться, как такое допустил редактор. Впрочем, он уже больше не редактор, потому что надо думать, что пропускаешь в номер! Это дешевое заигрывание с золотианцами, как делают наши соседи, Медный халифат. Хватит! В своей стране я хочу читать нормальные газеты, а не политкорректные.

– Да, но что теперь делать с нашим сыном? – обеспокоенно спросила княгиня.

Князь ожесточенно потер себе подбородок. Решение, которое он принял, было трудным и не нравилось ему самому, втайне он даже отчасти желал, чтобы супруга отговорила его.

– Совет шести пройдет через неделю после Нового года. Рэй поедет со мной.

Сказав это, князь перевел взгляд на Марию. Та немного побледнела, но больше ничто не выдавало испытываемое ей волнение за ребенка.

– Ты думаешь, что это будет правильным? – ответила супруга, подразумевая в своем вопросе слово “Почему”.

Эгберт слегка пожевал губу, собираясь с мыслями.

– Душа моя, нашему сыну не придется править, ты знаешь это не хуже меня. Допустим, он не перерастет своего детского увлечения и будет настаивать на женитьбе. Если девочка доживет, – князь поморщился, но он привык говорить прямо, – то у нашего сына два варианта. Первый – попросить династического брака, как они поступают с четверья остальными госу-

дарствами. Но династический брак – это контракт на века, это касается не только Рэя, но и следующих поколений. Да они его проклянут просто, если будут вынуждены жениться на бессловесных, забытых девушках, которые будут шарахаться от трамваев и вместо поддержки и заботы о муже будут выказывать лишь пугливую покорность. Прости, душа моя, но я не могу содействовать такому будущему для своих потомков.

Княгиня не перебивая слушала своего мужа, и он, после небольшой паузы, продолжил рассуждать дальше:

– Вариант номер два: Рэй решает участвовать в Играх. Я, честно говоря, никогда не интересовался, разрешено ли бороться за главный "приз" гражданам другого государства, но допустим, что можно или он выступит под вымышленным именем. И допустим, – тут князь снова поморщился и даже немного запнулся от волнения, – допустим, он победит в этой жестокой схватке.

Эгберт резко остановился и осторожно поддержал за талию уже изрядно побледневшую жену.

– Тебе дурно, душа моя? Давай присядем.

Мария слабо запротестовала, но муж решительно подвел ее к ближайшей скамейке, усадил и сам сел рядом, приобняв жену за плечи.

– Ну что ты, – пробормотал он ласково, касаясь губами ее виска.

– Ох, прости. – Княгиня снова попыталась взять себя в руки, но получилось плохо. – Бедный мой мальчик! Бедный мальчик!

– Милая, не надо так убиваться раньше времени...

– Ах, Эгберт, я просто слезливая дурочка, – всхлипнула княгиня.

– Не наговаривай, душа моя, не наговаривай. – Князь погладил ее по спине.

– Нет, правда... Я понимаю, что не нужно... Но стоило мне всего лишь на мгновение представить, что наш мальчик стал взрослым и ввязался в такие опасные игры, где мы можем его потерять... У меня сердце рвется, свет мой, – заговорила обеспокоенная княгиня.

– Душа моя, все в порядке. – Князь притянул к себе супругу, легонько покачивая ее, словно убаюкивая ребенка.

Княгиня спрятала лицо на его груди. Эгберт продолжал ласково поглаживать ее, испытывая бесконечную нежность: он часто видел жену решительной и сильной, и сейчас ее слабость, которой она сама стыдилась даже перед мужем, показалась князю особенно трогательной.

– Наш мальчик вырос, – сказал Зеленый князь с легким оттенком ностальгии в голосе. – Осталось нам в это поверить.

– Кажется, я на это неспособна. – Княгиня наконец подняла лицо и ласково провела пальцами по щеке мужа.

Эгберт прекрасно понимал супругу. Старшие дети уже жили своей жизнью, а Рэй, нечаянно получившийся тогда, когда они уже не собирались иметь больше детей, словно подарил им вторую молодость.

– Так вот, душа моя, не хочу тебя расстраивать, но продолжим наш разговор. Представь, что Рэй вернулся победителем и привез сюда молодую жену. Какое-то время ему будет нравиться нянчиться с ней, как с приютским ребенком, из жалости взятым в семью, но что если она так и не привыкнет к нормальному обращению? Или ему это надоест, и он полюбит другую, ровню себе, а не сломанную жестоким воспитанием бедняжку?

У княгини защемило сердце.

– И ты думаешь, что Рэю надо поехать в Золотую империю, чтобы избавиться от романтических фантазий?

– Я, душа моя, считаю, что мы не уберем нашего сына от разочарований и боли, как бы нам этого не хотелось, – с сожалением вздохнул Эгберт. – Рэй пока не проявил особых склонностей ни к одному занятию, он слишком любопытен до всего сразу, чтобы остановиться

на чем-то одном. Поэтому поездка – это и проверка, есть ли в нем задатки хорошего дипломата, и способ поближе познакомиться его с нравами, которые вдалбливают сейчас его маленькой подружке. Рэю нужно взрослеть, а это, – с озабоченным видом вздохнул отец, – это не самый приятный процесс.

На следующий день для юного княжича началась новая жизнь. Рэй отправился в инспекцию провинциального приюта, а не пошел на занятия, хотя день был учебным. Отец на этот счет был спокоен: догонит. Раз уж родился в княжеской семье и ни в чем не нуждаешься, то и спрос с тебя больше. Отец самого Эгберта, дед Рэя, был человеком довольно строгим, даже суровым по отношению к собственным детям, и в возрасте Рэя тогдашний наследный княжич Эгберт уже давно трудился не покладая рук. Школьные предметы он сдавал отдельно, а дни его занимали бесконечные государственные хлопоты, приемы и совещания, поездки и работа с бумагами в кабинете. Юный Эгберт практически никогда не получал даже скупой похвалы от собственного отца, и поэтому, по отношению к своим сыновьям, он то опасался их разбаловать, то считал свои методы воспитания слишком суровыми, хотя, конечно, до старого князя, десять лет назад упокоившегося на фамильном кладбище, ему было далеко.

Визит инспекции в приют поразил Рэя до глубины души. Он, разумеется, знал, что в мире существует нищета и жестокость, но так близко еще с этим не сталкивался. Убогое здание с протекающей крышей, полсотни голодных, неопрятных детей, глядевших на него с неприкрытой завистью и злобой, жирный управляющий-казнокрад, пытающийся задобрить инспектора подхалимскими речами и денежными посулами...

Потом был огромный завод, производящий какие-то сложные станки, где в наполненном грохотом, скрипом и лязгом цехах рабочие в пыльных робах точили детали, собирали их воедино, паковали в плотные коробки.

Потом – городские библиотеки, военный смотр, прокладка новых дорог и еще много, много событий. Разумеется, все это не отменяло учебы. После праздников Рэю, как и его одноклассникам, предстояла государственная практика: мальчику досталось место помощника княжеского секретаря, а когда-то через это прошли старшие братья.

Рэй, получив отцовское обещание непременно поехать с визитом в Золотую империю, честно подтягивал ненавистную математику, стараясь найти в ней что-нибудь интересное, и даже отчасти в этом преуспел. Перед новогодними каникулами князь бегло проглядел доставленный секретарем табель оценок сына и остался доволен: княжич держал слово.

Наступила новогодняя ночь, время бесшабашного веселья и народных гуляний. Рэй в предыдущие дни дико устал, но не жаловался: например, его отец трижды выдерживал бой с тетушкой Кларой по поводу утверждения бюджета на праздники и на следующий год. В конце концов они разругались вдрызг и не разговаривали друг с другом аж целых полдня, но на праздничном ужине тетушка и племянник уже весело поддразнивали друг друга и поднимали взаимные тосты за здоровье.

Зацелованный и задаренный родственниками Рэй веселился от души, а потом, ближе к праздничной полночи, улизнул на балкончик, с которого открывался чудесный вид на дворцовую площадь.

В небе гроыхали праздничные салюты, люди на улицах пели и обнимались, и парнишка, ослепленный и оглушенный блеском фейерверков, загадал желание:

– Хочу, чтобы Мира стала жить в Зеленом княжестве!

Он не знал, как это сделать, но надеялся, что волшебство пограничной между двумя годами ночи поспособствует ему в его нечетких, зыбких планах.

P.S. Домашнее задание Рэя (отправлено на доработку):

...*“Прочитав статью “Жестокая казнь в Золотой империи”, историк будущего сказал бы, что в наше время жили отсталые дикари и опасные безумцы.”*

## Глава 8. Закулисные разговоры

За окнами вагона, влекомого пыхтящим паровозом, проносились заснеженные леса, поля и проселки. Совсем скоро должны были остановиться на приграничной станции, где кончались Зеленые земли и начинались владения Золотого императора.

Серебряная ложечка дребезжала в стакане с подстаканником, Рэй вынул ее, положил на кружевную бежевую салфетку. Всматриваться в темноту надоело, спать не хотелось, содержимое книги от волнения не лезло в голову. Юному княжичу уже приходилось путешествовать по железной дороге, но вот в чужую страну он ехал впервые.

Княжич спрыгнул с темно-зеленого с черными узорами бархатного сиденья и вышел в коридор. Сходить бы послушать, о чем отец разговаривает, но не отправят ли его спать, ведь время близилось к полуночи.

Лакей, один раз заглянувший и почтительно предложивший разобрать постель для маленького господина, куда-то запропастился. То ли его услали за новой порцией чаю в ресторанный вагон, то ли он где-то всласть судачил с другими слугами, но Рэю это было только на руку.

Он привык развлекать себя сам и много времени проводить наедине с собой, но частые поездки и приемы последних месяцев почти лишили его этой возможности. А подумать было над чем.

Держась за красивый позолоченный поручень, уж очень трясло состав на этом участке пути, парнишка прошелся с одного конца вагона в другой, и еще раз – но на этот раз остановившись на середине.

В дорожном сундучке Рэя лежала новая красивая жестянка с конфетами и рукодельная шкатулочка. Он хотел было привезти Мире каких-нибудь диковинных игрушек и красочных альбомов, но тут даже у родителей не нужно было спрашивать – все это у Миры бы отобрали под предлогом ограждения ее невинной души от соблазнов. Рэю хотелось, чтобы у девочки все же осталась какая-то вещь, которую она бы помнила как его подарок, а конфеты можно съесть вместе. Ну и пусть, что девочкам не положено, в конце концов он напустит на себя вид “я мальчик, я так хочу”, главное, чтобы они вообще смогли увидеться.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.